

Епископ Прилуцкий ВАСИЛИЙ (Зеленцов)

ОБЩАЯ КАРТИНА ОТНОШЕНИЙ РУССКОЙ ВЫСШЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ К ИМЯБОЖНИКАМ В СВЯЗИ С ВЕРОУЧЕНИЕМ ОБ ИМЕНИ БОЖИЕМ

***Епископ Прилуцкий Василий** (в миру Зеленцов Василий Иванович), викарий Полтавской епархии.*

Родился в 1870 году в селе Зимарове Ранненбургского уезда Рязанской губернии. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и Санкт-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. После окончания академии направлен преподавателем Екатеринославской Духовной семинарии, а затем переведен на должность Екатеринославского епархиального миссионера.

Был участником Всероссийского Поместного Собора 1917 – 1918 гг. После Собора вернулся к обязанностям миссионера, но уже в Полтавской епархии.

С 1920 года перешел на приходское служение в Свято-Троицкую церковь города Полтавы в качестве второго священника. С 1921 по 1923 гг. временно находился в Харькове, пребывая вне церковного служения. В 1922 году уклонялся в обновленческий раскол, принес покаяние.

12 августа 1925 года хиротонисан во епископа Прилуцкого, викария Полтавской епархии. В этом же году арестован, приговорен к смертной казни, но был помилован и по амнистии освобожден.

1926 году сослан на 3 года в Соловецкий лагерь.

В 1927 году выразил свое несогласие с церковной политикой митрополита Сергия (Страгородского) в направленном на его имя письме.

В 1928 году выслан с Соловков в Иркутскую область.

9 декабря 1929 года арестован и 3 февраля 1930 года приговорен к расстрелу. 4 апреля 1930 года приговор был приведен в исполнение.

ГЛАВА I

Во 2-м пункте Синодального определения, находящегося в конце сего документа за № 2670, сказано, что, по мысли Святейшего Синода, весь этот документ, содержащий между прочим и историю отношений церковной власти к афонскому движению, связанному с почитанием имени Божия, по 10 марта 1916 года включительно, должен был быть представлен на Высочайшее благовоззрение государя императора Николая Александровича. Пометка карандашом, сделанная на первом листе документа за № 2670 секретарем Синода Екшурским, указывает, что обер-прокурор Синода Н. П. Раев, которому этот документ был доложен 27 сентября того же 1916 года, не стал докладывать его государю. Но намерение Святейшего Синода представить этот документ на благовоззрение Его Величества, очевидно, побудило Синод, при изложении истории отноше-

ний Синода к афонскому движению, промолчать о властном вмешательстве государя императора с апреля 1914 года во внутри-церковную среду отношений Синода к афонитам, высланным с Афона, и к самой расправе о почитании имени Божия. Между тем, это вмешательство было сделано официальным порядком чрез инстанцию обер-прокурора Святейшего Синода и очень сильно отразилось на чисто церковных отношениях Высшей Церковной Власти к осужденным за имябожничество афонитам и к самому вопросу о почитании имени Божия (как это можно усмотреть из других документов Синодального архива). Имею честь дополнительно осветить перед Подотделом эту сторону отношений Святейшего Синода к афонскому движению и к афонитам на основании Синодального архива.

Во второй части третьего тома Синодального архива об афонитах, начиная с 533 листа, имеется рапорт Святейшему Синоду архиепископа Новгородского Арсения. В этом рапорте высокопреосвященный Арсений от 1 июля 1914 года, за № 11761, докладывает Синоду полностью и буквально полученное Владыкою от Новгородского уездного миссионера, священника Михаила Войк, донесение относительно поездки последнего к «имябожцам», поселившимся в Новгородском уезде, возле станции Любава в деревне «Трубников Бор» Бабинского прихода. По донесению отца Михаила Войк, тамошние «имябожцы» сообщили ему о своих действиях буквально следующее: «Живя в Санкт-Петербурге и почитая себя православными и обиженными, иноки (т. е. именуемые «имябожцы») исходатайствовали высочайшую аудиенцию и 13 февраля 1914 года имели счастье представляться Его Императорскому Величеству в Царскосельском Дворце в составе иеросхимонаха Николая, схимонаха Мартиниана и еще двух иноков. Государь император, по словам представлявшихся, принял их очень милостиво, выслушал всю историю их удаления с Афона и обещал им свое содействие к мирному разрешению их дела, а Ее Императорское Величество будто бы настолько была растрогана их печальной повестью, что не могла воздержаться от слез. Представлявшиеся имели дерзновение попросить у Их Величеств дозволения видеть Наследника Цесаревича, который и был приведен в приемную комнату. По словам схимонаха Мартиниана, он будто бы осмелился возложить свою руку на голову Его Высочества и выразить ему молитвенное благопожелание здоровья и счастья на радость России. По окончании аудиенции Его Величество будто бы подал руку всем представлявшимся. Иноки находятся и теперь под впечатлением ласки царской семьи и твердо надеются, что им будет предоставлен скит Пицунда на Кавказе, где они и соберутся под управлением избранного ими из своей среды настоятеля по афонскому уставу» (Листы 537 об. и 538).

Сообщение это подтверждается собственноручной докладной запиской упомянутого схимонаха Мартиниана от 20 ноября 1916 года, поданной обер-прокурору Святейшего Синода (помета Канцелярии обер-прокурора от 28 ноября 1916 года). В записке этой схимонах Мартиниан, между прочим, пишет следующее: «Прежде всего нам надо умиротвориться с теми, кои нас жестоко обидели и обижают, но полное умиротворение может только быть после обсуждения и решения спорного вопроса об Имени Божием Собором Церковным, как о сем лично сказал нам сам Батюшка наш Государь Император, когда мы, четыре инока-«изгнанника», представлялись ему, февраля 13 дня 1914 года. Он сказал: «Ваш спорный вопрос будет разобран Церковным Собором». Нам же, изгнанникам, обещал дать скит «Пицунды» на Кавказе (том III, вторая часть, лист 723^а обор. и 733^б).

Итак, документально установлено, что 13 февраля 1914 года бывший государь император, вместе с государыней императрицей Александрой Феодоровной и наследником цесаревичем, давши высокомилоостивую аудиенцию четырем представителям афонитов-имябожников, оказал им ласковый прием и обещал содействовать мирному разрешению афонского дела, связанного с почитанием имени Божия. В хронологическом порядке после этого следуют нижеозначенные деяния Высшей Церковной Всероссийской тогдашней Власти, еще не носящие следов императорского вмешательства:

1. Определение Святейшего Синода от 14–18 февраля 1914 года за № 1471, каковым определением Святейший Синод постановил: а) поручить Московской синодальной конторе принять к рассмотрению в судебном порядке дело о двадцати пяти имябожниках, особенно упорных сторонниках лжеучения и наиболее ревностных его распространителях, с предъявлением к каждому из них обвинений в измышлении и распространении ложного учения об именах Божиих и в других противоканонических поступках, обнаруженных по делу, и, по достаточном увещании каждого из них в отдельности, постановить о них соответствующее решение, каковое по объявлении подсудимым на право обжалования в порядке 171 ст. Устава Духовной консистории представить на рассмотрение и утверждение Святейшего Синода; б) к составу Конторы, для рассмотрения настоящего дела, присоединить в звании сверхштатных членов Конторы, преосвященных vikariev Московской епархии: Анастасия, епископа Серпуховского, Феодора, епископа Волоколамского и Модеста, епископа Вереysкого, и наместников: Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрита Товию и московского Чудова монастыря архимандрита Арсения; и в) предоставить Конторе, в виду нарушения подлежащими суду имябожниками главного монашеского обета – послушания во всем Святой Православной Церкви и поставленным ею властям, привлечь к увещанию имябожников и предварительному формальному суду над ними известных строгою иноческою жизнью и духовною опытностью иноков-старцев. О таковом определении Святейшего Синода и предоставлено было обер-прокурору Святейшего Синода повергнуть на благовоззрение Его Императорского Величества. По всеподданнейшем докладе обер-прокурором изъясненного определения Святейшего Синода, Его Императорскому Величеству Государю Императору в 20-й день февраля 1914 года благоугодно было соизволить одобрить изъясненные в сем определении предположения («Церковные ведомости» 1914 г. № 9)¹.

2. Затем последовали указы Святейшего Синода от 31 марта, 16, 18 и 21 апреля за №№ 5871, 6360, 6516, 6651, касающиеся порядка судопроизводства над имябожниками, тоже не носящие следов какого-либо давления государевой власти на церковную власть.

Государево давление на церковную власть в церковном деле об имябожниках и о почитании имени Божия началось официальным образом в «предложении» обер-прокурора Саблера Святейшему Синоду от 30 апреля 1914 г., за № 69, где читаем следующее: «Его Императорскому Величеству, в 15 день текущего апреля, в Ливади, благоугодно было лично передать мне собственноручно Его Императорским Величеством начертанную записку следующего содержания: «В этот Праздник Праздников, когда сердца верующих стремятся любовью к Богу и к ближним, душа моя скорбит об афонских иноках, у которых отнята радость приобщения Святых Таин и утешение пребывания в храме. Забудем распрю: не нам судить о величайшей святыне – Имени Божию, и тем навле-

каты гнев Господень на родину; суд следует отменить и всех иноков, по примеру митрополита Флавиана, разместить по монастырям, возвратить им монашеский сан и разрешить священнослужение»². «Имею честь предложить о сем Святейшему Синоду. Обер-прокурор В. Саблер».

Это сделанное через обер-прокурора высочайшее повеление, во-первых, отрицает за Святейшим Патриархом и Синодом Константинопольской Церкви и за Святейшим Синодом Русской Церкви компетенцию рассуждения по вопросу об имени Божию; во-вторых, отрицает за ними и право церковного суда по этому вопросу над чадами их Поместных Церквей, а поэтому, в-третьих, приказывает отменить прежний церковный суд над имябожниками и снять с них наказание, наложенное на них церковной властью, ибо суд над лжеучением имябожников и над самими имябожниками «навлекает гнев Господень на родину». Таким образом, на Пасху 1914 года государь Николай Александрович свое официальное отношение к афонскому делу круто изменил и решительным образом стал на защиту имябожников против русского Святейшего Синода и Константинопольских Патриарха и Синода, причем, даже не предложил передать афонское дело на рассмотрение Поместного Собора, но просто потребовал прекращения всего дела и отмены суда и наказаний имябожников. Отвечать на это незаконное с православно-церковной точки зрения государево повеление послушанием недопустимо в Христовой Церкви и с канонической, и с догматической точки зрения. По своему существу это государево повеление вполне подобно «экфесису» древне-византийского императора Ираклия в той части «экфесиса», где запрещается всякое рассуждение по вопросу как об одном, так и о двух естественных волях и действиях во Христе, и делается наклон в монофелитство³. И как в древности ревностные православные христиане отказывались повиноваться «экфесису» и подобным царским повелениям, так и российская церковная власть должна была не исполнять насильственного императорского распоряжения от 15 апреля 1914 года и действовать независимо от него, только по церковным основаниям, во всем деле афонитов.

Русский Синод сделал только две второстепенных уступки этому давлению государственной власти, не уступив ни в чем существенном. Московская синодальная контора и Московский митрополит Макарий с викарным преосвященным Модестом Верейским сделали гораздо больше уступок, чем Синод. Первая синодальная уступка сделана синодальным определением от 22–25 апреля 1914 года за № 3479, каковым определением преподано было указание, «что засвидетельствование привлеченными к суду афонскими монахами о своей преданности Православной Церкви, точном следовании ее догматам и учению, отречении от имябожнического лжеучения и послушании богоустановленной иерархии может быть удостоверяемо и без письменного акта, который требовался по данным Московской синодальной конторе указаниям от Святейшего Синода, устным свидетельством, с целованием Святого Креста и Евангелия, о чем Синодальной конторой должны быть составлены письменные акты без истребования от привлеченных к суду подписей». Признать это определение только уступкой давлению государственной власти необходимо потому, что в определении Синод отказался отбирать подписи под отречением от имябожничества, даже и от имябожников, носящих священный сан, и мотивировал свой отказ такими доводами, неосновательность которых не мог не сознавать. Вот эти прямо-таки странные с точки зрения обязательности для всех единой истинной веры доводы: «В

Святейшем Синоде получены были сведения о том, что некоторые из привлеченных к суду Московской синодальной конторы афонских монахов, изъявляя искреннюю свою преданность Православной Церкви и твердое намерение ни в чем не отступать от ее святых догматов и учения, отвергаясь всяких новых лжеизмышлений и пребывая в каноническом послушании богоустановленной иерархии, коей они подвластны – Вселенскому Патриарху и Российскому Святейшему Синоду, – затрудняются лишь в удостоверении такого их исповедывания своими подписями. Затруднение это вызывалось опасением их, в виду бывших на Афоне волнений, связать свою мятущуюся совесть какими-либо письменными актами, сущности которых в простоте своей веры и при недостатке книжного образования они не могли уразуметь со всею полнотою, испытывая обычный в простых людях страх пред подписями изложенных на бумаге документов. Вместе с тем их страшила данная ими, в виду недавних, бывших на Афоне многочисленных предложений подписывать всякого рода исповедания, общая клятва не подписываться впредь ни к каким обещаниям и исповеданиям» (Документ № 2670; копии с. 8–9).

Святейший Синод, конечно, помнил, что Вселенские Соборы от отступников, имеющих священный сан, и приносивших устное раскаяние и выразивших устное согласие с православным учением и устное согласие подчиняться законной церковной власти, обязательно требовали и подписей под православным исповеданием; и отказ от таких подписей признавали доказательством неискренности устных заявлений о принятии церковной веры и послушании Высшей Церковной Власти. Синод, конечно, хорошо сознавал, что клятвы не подписывать православных исповеданий, предлагаемых для подписи членам Церкви от Главы Церкви (каковыми были Вселенский Патриарх и Русский Синод) – такой клятвы ни один православный христианин давать не имеет права пред Богом, а если неразумно дал такую клятву, – то согрешил, и должен раскаяться в таком грехе и отнюдь не исполнять такой богопротивной клятвы.

Синод, конечно, помнил, что Четвертый Вселенский Собор, дозволивши египетским епископам, приведшим уважительный довод, временно не подписывать соборных определений, счел необходимым в оправдание себя в таком поступке пред Церковью, особым канонам выяснить причину, заставившую сделать такое отступление от обязательного требования немедленной подписи под соборным исповеданием и канонами, и указал этим же канонам, что все-таки обязанность подписать эти постановления Собора остается на египетских епископах, и те должны подписаться после того, как исчезнет причина, препятствующая подписаться немедленно; если же не подпишутся, то подлежат извержению⁴. Синод знал, что и от Ария, и прочих, носивших пресвитерский сан отступников от Православия, древняя Церковь тоже требовала письменного отречения от отступничества.

Синод всего лишь 16 апреля заслушал несколько неправых «исповеданий» имябожников, под которыми имябожники не смущались подписываться. И вот, зная все это, русский Синод того же апреля 22 числа постановляет как раз вопреки всему этому. Очевидно, только в угоду государевой записке от 15 апреля. Для приличия Синод прикрывает свою угодливость ссылкой на слова апостола Павла о себе: «всем бых вся, да всяко некия спасу» (1 Кор. 9, 22), между тем, как святой апостол «всем был вся» в других отношениях, но не в делах веры и лжеучений, и не в делах церковного подчинения канонической власти. Наоборот, в обоих последних случаях апостол был ревниво строг и требователен всегда и ко

всем⁵, каковую требовательность унаследовали от апостолов и древние Соборы. Впрочем, очень серьезного значения этой синодальной уступке придавать нельзя. Она касается только формы делопроизводства и есть лишь замена более надежного легального способа делопроизводства менее надежным легальным же способом делопроизводства.

В порядке времени далее последовала первая уступка государеву давлению Московской синодальной канторы и первоприсутствующего члена Канторы митрополита Макария. 16 апреля 1914 года, за № 3227, Святейший Синод заслушал поступившее в Синод 11 апреля от «иноков афонских», за подписью иеросхимонаха Антония (Булатовича), иеромонахов – Силы (Ершова), Варахии (Троянова), Гиацинта (Еременко), иеродиакона Игнатия (Митюрин), схимонаха Мартиниана (Белоконь) – за себя и «по личному доверию» за схимонаха Ириней (Белоконь), монахов – Ианнуария (Гротового), Дометия (Комяка), Петра (Петрова), Феофила (Кузнецова) и Манассии (Зенина), «заявление» о том, что они вынуждены «отложиться от всякого духовного общения со Всероссийским Синодом и со всеми единомысленными с ним, впредь до исправления заблуждений», допущенных якобы Синодом в послании от 18 мая 1913 года, «и впредь до признания Божества Имени Божия», а посему отказываются явиться и на суд Московской синодальной канторы»⁶. Таким образом, означенные лица формально отделились и от Русского Святейшего Синода, как раньше отделились от общения с Константинопольским Патриархом, – обвинивши русский Синод в догматических заблуждениях. Такое же заявление позже прислал в Синод и монах Вапгос⁷. Прислал отказ явиться на суд Канторы и архимандрит Давид⁸. В подкрепление выставленного ими против Русского Синода обвинения, означенные имябожники прислали в Синод свои «исповедания веры в Бога и во имя Божие», подписанные ими (Архив имябожничества, т. III, ч. I, лист 302 и далее).

Таким образом, эти имябожники выставили против Синода контр-обвинение в уклонении Синода от Православия и являются не простыми подсудимыми русской церковной власти, но и формальными обвинителями Синода и Православной Русской Церкви в догматическом заблуждении. Синод передал это заявление и эти «исповедания» в ту же Московскую синодальную кантору, которой вообще был поручен суд над имябожниками. Кантора произвела в течение двух недель двоякий самопротиворечивый суд над имябожниками и постановила взаимно противоречивые решения, как с очевидностью показывают донесения Канторы Синоду от 24 апреля за № 1261, от 4 мая № 1393, от 8 мая за №№ 1442 и 1443 и донесение митрополита Макария от 28 апреля за № 1302 (Архив, т. III, ч. II, листы 396–398, 418–419, 432, 438–443).

Пока Кантора имела дело с явившимися к ней на суд и склонными послушаться Церкви имябожниками, она и ее первоприсутствующий митрополит Макарий справедливо определяют «отношение Илариона, Антония (Булатовича) и прочих имябожников к единению с Православной Церковью в вере», как «новые лжеумствования об именах Божиих, возвещаемые схимонахом Иларионом, Антонием (Булатовичем) и их единомысленниками, которые справедливо называются имябожниками» (донесение митрополита Макария от 28 апреля № 1302, донесение Канторы от 8 мая 1914 г. № 1442); и на заседании своем через первоприсутствующего, и на исповеди чрез духовника Кантора разъясняла ложность этих новых умствований имябожников и требовала от имябожников отказа от этих лжеумствований и только под этим условием принимала их в об-

шение и снимала с них прежде наложенные Синодом церковные наказания (см. те же донесения).

Но в конце заседания 7 мая Конторе пришлось выносить свое суждение и постановить решение о четырнадцати вышеупомянутых упорных афонитах, отказавшихся от общения с Синодом и от явки на суд Московской синодальной конторы и обвинивших Синод в догматических заблуждениях. Государево повеление требовало прекращения суда и над ними с возвращением им монашеского сана и прав священнослужения. И хотя в начале заседания, принимая пока явившихся иноков Иннокентия и Нарцисса, Контора еще раз высказала осуждение лжеучения Антония (Булатовича) и его сторонников (см. донесение № 1442), теперь Контора о том же <Антонии> Булатовиче, иеромонахе Варахии и монахе Манассии решила положить совсем иное суждение, и чтобы удобнее это сделать, решила, во-первых, так сказать, забыть и не вспоминать, что эти имябожники обвиняют Синод в лжеучении и требуют от Синода принятия имябожнического лжеучения; решила забыть и не вспоминать свое знакомство с лжеучением имябожников по документальным и печатным источникам; во-вторых, решила не рассматривать вновь всех этих документальных и печатных источников, и ограничиться рассуждением, но только о последних «исповеданиях веры в Бога и во Имя Божие», присланных в Синод; в-третьих, решила во что бы то ни стало распорядиться с этими «исповеданиями» самым благоприятным для имябожников образом.

Именно Контора в своем постановлении выносит такое суждение: «В исповедании веры в Бога и во Имя Божие», представленном иеросхимонахом Антонием (Булатовичем), иеромонахом Варахией и монахом Манассиею, не содержится точных указаний для определения отношения их к единству с Православной Церковью в вере». Беспристрастие и логика требовали сказать после этого, что это исповедание ничего нового не дало по сравнению с прежними источниками, по которым Синод и Московская синодальная контора и ее первоприсутствующий уже раньше определили отношение этих трех главарей имябожничества к единству с Православной Церковью в вере, как «возвращение ими новых лжеумствований об именах Божиих», за которые они «справедливо называются имябожниками» и уже не называются православными по вере. Но Контора, вопреки беспристрастию, вопреки логике и вопреки самой себе, вывела такое суждение об <Антонии> Булатовиче, Варахии и Манассии из того обстоятельства, что исповедание их не дает новых данных для суждения о их веровании: «в виду сего Контора Святейшего Синода признала последующие поступившие от сих же иноков заявления, что они ныне якобы вынуждены отложиться от всякого духовного общения с Всероссийским Синодом и со всеми единомысленными с ним» плодом недостаточного разумения ими своих деяний и намерений (донесение Синодальной конторы от 8 мая 1914 г. за № 1443. Архив, т. III, ч. II, листы 440–441). И затем Контора вынесла об этих трех главарах имябожничества такое решение: «Поручить всех названных афонских иноков... архипастырскому попечению Преосвященного Модеста, епископа Верейского, с помещением их во вверенном ему, Преосвященному, монастыре и прекращением судебного о них производства. О чем и представить на благоусмотрение Святейшего Правительствующего Синода» (там же, лист 442).

Бесполезно искать логику в таком выводе из такой посылки, так как логики здесь нет, и Контора соблюдать логику не желала, а желала во что бы то ни

стало освободить <Антония> Булатовича, Варахию и Манассию от церковного суда в угоду государеву повелению. Затем относительно одиннадцати других упорных имябожников, отпавших от единения в вере с Синодом: Ваптоса, Гиацинта, Дометия, Игнатия, Ириней (Белоконь), Ианнуария, Мартиниана, Силы, Петра, Феофила и архимандрита Давида, Синодальная контора опять повторила вышеописанное «забвение» всех ей известных документов и других источников, излагающих лжеучение <Антония> Булатовича и этих его единомышленников, и «забвение» своего прежнего, недавнего суждения об их заблуждениях. Этими «забвениями» Контора создала себе удобство «видя не видеть» действительного смысла в одном из тезисов «исповедания» этих имябожников и, взявши из всего исповедания только этот тезис, вложила в тезис свое православие, и на основании всей этой, с позволения сказать, собственной стряпни в своем постановлении о перечисленных главарах имябожниках сделала вывод, что в этом тезисе «содержатся данные к заключению, что у них нет основания к отступлению, ради учения об именах Божиих от Православной Церкви», не стесняясь тем, что менее недели тому назад⁹ свидетельствовала, что у них есть «новые лжеумствования об именах Божиих», за которые они «справедливо называются имябожниками»; не стесняясь и тем, что эти имябожники сами обвинили Синод и единомышленных с Синодом в догматическом отступлении от Православия за то, что Синод не принял этих их новых лжеумствований об именах Божиих, в действительности являющихся отчасти лжеумствованиями и о Самом Боге, так как касаются онтологического отношения Бога к именам Божиим¹⁰. Постараюсь быть кратким при раскрытии всей этой умственной стряпни, сделанной Московской синодальной конторой.

В брошюре схимонаха Досифея, изданной в 1912 году под заглавием «Противоборство слугам антихриста. Новая ересь на Имя Божие по предречению Апокалипсиса», читаем на страницах 4–5 такие слова: «Имя Иисус так неразрывно с Богом, что можно сказать, что Имя Иисус есть Сам Бог, ибо как можно отделять имя от существа? – это невозможно. Имя Иисус есть истинный Бог» (Архив, т. I, лист 38; дело за № 325): В «Апологии веры во имя Божие и во Имя Иисус», изданной в 1913 году, Антоний (Булатович) пишет в разъяснение этой мысли такие фразы: «слово всякого языка и во всяком виде, пока оно живо и произносится устно или умно, есть, конечно, отражение идеи и имеет *реальную* связь с *идеями*, а идея – тоже *реальность*, имеющая и *ипостасное* бытие» (с. XIII. Курсив подлинника). «Свята всякая истина и всякая идея о Боге, ибо сия истина и есть Сам Бог» (с. 26); «сознательное именование Бога и есть Сам Бог» (с. 27). Итак, <Антоний> Булатович и единомышленные с ним, признавая реальностью идею, то есть постоянный смысл каждого слова, в частности, признает реальностью и идею каждого имени Божия; именно, идею каждого имени Божия признают Самим Богом. Так как под идеями имени Божия они разумеют постоянный и, по их мнению, неотделимый смысл имени Божия, то, признавая идею имени Божия за Бога, они, конечно, учат, что Бог неотделим, неразлучим от имени Своего; посему и почитают за Бога имя Божие неразлучно, нераздельно с Богом, а не в отдельности от Бога, как иное Божество. И это верование общее всем имябожникам. В «исповедании», подписанном 302 монахами Свято-Андреевского скита на Афоне 10 января 1913 г. читаем: «Мы, нижеподписавшиеся иноки Свято-Андреевского общежительного скита на Афоне... исповедуем и святое Имя Его, которое есть свято само по себе и есть Сам Бог неотделимо от

Господа» (Синодальный архив об имябожниках, т. I, л. 8). Вместе с тем, сообщая своему учению, что Бог в имени Божием составляет только идею, или постоянный смысл имени, <Антоний> Булатович и его имябожники отказываются почитать за Бога буквы, которыми пишется имя Божие, звуки, которыми произносится имя Божие, и случайные мысли, которые могут быть случайно связаны человеком с произносимым именем Божиим. И вот в «Исповеданиях веры в Бога и во имя Божие», поданных одиннадцатью вышеупомянутыми единомысленниками <Антония> Булатовича, соответственно такому давнему и многократно продуманному верованию во имя Божие как в Бога, высказан, между прочим, такой самым точным образом изложенный тезис: «повторяю, что именуя Имя Божие и Имя Иисусово Богом и Самим Богом, я чужд как почитания имени Божия за сущность Его, так и почитания имени Божия отдельно от Самого Бога, как какое-то особое Божество, так и обожения самих букв и звуков и случайных мыслей о Боге».

Слишком ясно из сличения этого тезиса с раннейшими документами лжеучения имябожников, что в этом тезисе нет и тени отказа от почитания за Бога в каждом имени Божием того, что не есть ни буква, ни звук, ни случайная мысль, случайно связанная с именем, то есть от почитания за Самого реального Бога идеи, или постоянного смысла, имени Божия, о чем в том же 1914 году имябожники сказали еще раз в напечатанной ими книжке «Православная Церковь о почитании имени Божьего и Молитве Иисусовой» таким образом: «И мы не думаем говорить, будто слоги и буквы произносимого Имени Божия суть Бог, но понятие о Боге именуем Богом» (с.124, изд. «Исповедника»). А Синодальная кантора предпочла вложить в этот тезис какой-то православный смысл и не захотела обращать внимание ни на что, кроме этого тезиса, для того чтобы, взявши этот тезис, употребить его как основание для освобождения от церковного суда и этих одиннадцати главарей имябожников. Именно в постановлении своем Кантора говорит: «в поступивших от остальных иноков "исповеданиях", в словах: "повторяю, что именуя Имя Божие и Имя Иисусово Богом и Самим Богом, я чужд как почитания имени Божия за сущность Его, так и почитания имени Божия отдельно от Самого Бога, как какое-то особое Божество, так и обожения самых букв и звуков и случайных мыслей о Боге", содержатся данные к заключению, что у них нет оснований к отступлению, ради учения об именах Божиих, от Православной Церкви. В виду сего Кантора Святейшего Синода признала последующие поступившие от сих же иноков заявления о том, что они ныне якобы вынуждены "отложиться от всякого духовного общения с Всероссийским Синодом и со всеми единомысленными с ним", плодом недостаточного разумения ими своих деяний и намерений» (донесение Канторы от 8 мая за № 1443. Архив, т. III, ч. I, л. 449). Оканчивается и это суждение Канторы, как и суждение об <Антонии> Булатовиче, Варахии и Манассии, решением о прекращении суда и отдании на архипастырское попечение епископу Модесту: «А посему Московская Святейшего Синода кантора определили: поручить всех названных афонских иноков: Ваптоса, Гиацинта, Дометия, Игнатия, Ирины (Белоконь), Ианнуария, Мартиниана, Силу, Петра и Феофила архипастырскому попечению Преосвященного Модеста, епископа Вереяского с помещением их во вверенном ему, Преосвященному, монастыре и прекращением судебного о них производства. О чем и представить на благоусмотрение Святейшего Синода» (л. 442). «Архимандрит Давид... представил в Святейший Синод "исповедания веры в Бога и во имя Божие", совершенно сходное с «исповеданиями веры»

названных выше ... иноков ... Синодальная контора полагала бы: в отношении архимандрита Давида предпринять меру, примененную по отношению к тринадцати инокам, с назначением для сего лица по усмотрению Святейшего Синода» (л. 442).

Итак, упорнейшие главари имябожников, формально обвинившие Синод, за непринятие имябожнического учения, в догматическом заблуждении, сделавшие это обвинение поводом для разрыва всякого духовного общения с Синодом и с Православной Греко-Русской Церковью, только что признанные Московской синодальной конторой главными «возвестителями новых лжеумствований об именах Божиих» и, действительно, «имябожниками», ни в чем не раскаявшись, тою же Синодальной конторой теперь назначены к освобождению от церковного суда над ними. Причина этого решения Конторы ясна: царь потребовал от Церковной Власти освобождения <Антония> Булатовича и прочих имябожников от суда и наказания церковного, и Контора захотела угодить этому требованию. Донесение Конторы Синоду от 8 мая 1914 г., за № 1443, содержащее постановление Конторы от 7 мая, не подписано тремя членами Конторы: епископом Евфимием, управляющим монастырем, епископом Феодором Волоколамским (не бывшим на заседании 7 мая) и Чудовским архимандритом Арсением, на заседании 7 мая бывшим, но уехавшим из Москвы, не подписавши постановления.

Святейший Синод заслушал донесение Московской синодальной конторы от 8 мая 1914 года за № 1443 в своем заседании 10 мая 1914 г. и не согласился утвердить его. Синод, приведя себе на справку сущность всего делопроизводства «о двадцати пяти афонских иноках, привлеченных к увещанию и суду Московской синодальной конторы» (Архив, т. III, ч. II, л. 444) и приняв во внимание, что девять из них уже отказались от имябожничества, прощены и приняты в церковное общение, «предварительно постановления окончательного решения о шестнадцати (остальных) афонских иноках определяет: 1) возложить на Преосвященного Модеста, епископа Верейского, нравственное руководство и духовное смотрение за афонскими иноками: Ваптосом, Варахией, Гиацинтом, Дометием, Игнатием, Иринею (Белоконь), Ианнуарию, Манассиею, Мартинианом, Силою, Петром и Феофилом, с помещением их в Московском Покровском монастыре и разрешением им рясоношения в монастырях, поручив преосвященному Модесту о духовном состоянии названных иноков и степени искренности их подчинения установленной Церковью дисциплине доносить Московской синодальной конторе, а Синодальной конторе – представлять Святейшему Синоду; 2) предоставить Синодальной конторе поступить в отношении иеромонаха Филарета и монаха Ириния соответственно обстоятельствам дела, какие будут о них обнаружены, и 3) об иеросхимонахе Антонии (Булатовиче) и архимандрите Давиде суждение иметь особо, о последнем при рассмотрении дела о других афонских иноках, помещенных на Одесском подворье Андреевского скита. О чем, для сведения и зависящих распоряжений, послать Московской синодальной конторе указ, во избежание каких-либо недоразумений, поручив Синодальной конторе и преосвященному Модесту приводить увещаемых иноков к сознанию, что учение имябожников, прописанное в сочинениях иеросхимонаха Антония (Булатовича) и его последователей, осуждено Святейшим Патриархом и Синодом Константинопольской Церкви и Святейшим Синодом Церкви Российской, и что, оказывая снисхождение к немощам заблуждающихся, Святейший Синод не изменяет прежнего своего суждения о самом заблуждении» (Архив, л. 448 и 449). Подлинный подписал:

Сергий, архиепископ Финляндский, с добавлением (после слов: «с разрешением им рясоношения): «но без допущения их к Святым Таинствам»¹¹.

Архиепископ Никон, с тем же добавлением,

Нафанаил, епископ Архангельский,

Алексий, епископ Саратовский,

Александр, епископ Вологодский,

Василий, епископ Черниговский.

К исполнению пропущен 24 мая 1914 г. Указом Синодальной конторе послан за № 8625 (Архив, т. III, ч. II, л. 449).

Святейший Синод в этом определении только в параграфе 2-м (об иеромонахе Филарете и монахе Иринее) сделал постановление, согласное с постановлением Московской синодальной конторы, а в остальном изменил или даже прямо отверг постановление Конторы, содержащееся в донесении от 8 мая 1914 г., за № 1443, именно:

1) Отвергнув неправо суждение Конторы, будто бы в «Исповеданиях» Ваптоса, Гиацинта, Дометия, Игнатия, Иринея (Белоконь), Ианнуария, Мартинаиана, Силы, Петра, Феофила и архимандрита Давида содержатся данные к заключению, что у них нет оснований к отступлению, ради учения об именах Божиих, от Православной Церкви; Святейший Синод, по-прежнему признав и назвав <Антония> Булатовича и его последователей «имябожниками», постановил «во избежание каких-либо недоразумений, поручить Синодальной конторе и преосвященному Модесту приводить увещаемых иноков (т. е. имябожников) к сознанию, что учение имябожников, прописанное в сочинениях иеросхимонаха Антония (Булатовича) и его последователей, осуждено Святейшим Патриархом и Синодом Константинопольским и Святейшим Синодом Церкви Росийской, и что, оказывая снисхождение к немощам заблуждающихся, Святейший Синод не изменил своего суждения о самом заблуждении».

2) Вместо постановления Конторы: «поручить» вышеупомянутых одиннадцать афонитов и с ними Антония (Булатовича), иеромонаха Варахию и монаха Манассию «архипастырскому попечению преосвященного Модеста, епископа Верейского, с помещением их во вверенном ему, преосвященному, монастыре и прекращением судебного о них производства» (а такое освобождение от суда влекло за собой и снятие с них наказаний, наложенных церковным судом), Святейший Синод определил: «возложить на преосвященного Модеста, епископа Верейского, нравственное руководство и духовное смотрение» за этими упорными афонитами временно «предварительно постановления (Синодом) окончательного решения» о них, причем из общей группы выделил Антония (Булатовича) и архимандрита Давида, чтобы о них иметь особое суждение; при этом Синод не согласился даже и до окончательного суда над имябожниками снять с них запрещение приступать к Святым Таинствам и дозволил им только ношение рясы в монастыре.

Все-таки и в этом Синодальном определении есть уступка незаконному царскому повелению от 15 апреля, именно: дозволение имябожникам до окончательного суда над ними носить рясы и отсрочка окончательного суда над упорными имябожниками на неопределенное время. Эта вторая уступка Синода важнее первой его уступки и вскоре использована была другими церковными властями, более Синода угодничавшими перед царем, в такой мере и таким образом, в пользу имябожников, как, конечно, и не предполагалось Синоду; но об этом имею честь предложить вниманию Подотдела в следующем моем докладе № 3.

ГЛАВА 2

Предыдущую главу я закончил рассмотрением Синодального определения от 10–24 мая 1914 года за № 4136, каковым определением Святейший Синод Российской Церкви повторил и подтвердил свое прежнее суждение о верованиях <Антония> Булатовича и его последователей, как о заблуждении и именно «имябожничестве», но окончательный суд над главарями имябожников отсрочен на неопределенное время. Теперь я должен отметить, как угодничавшие царю Обер-Прокурор Саблер и Московский митрополит Макарий использовали эту отсрочку в ущерб Церкви и к выгоде имябожников. Саблер при этом употребил¹² произвол и самоуправство, а митрополит Макарий (может быть, от дряхлости и недостатка канонического образования плохо сознавая качество своих действий) допустил в своих действиях антиканоническое самоволие и превышение своей власти или, так сказать, присвоение себе власти, принадлежащей только Святейшему Российскому Синоду. Обоим им помощником в этом деле был преосвященный Верейский Модест, действовавший в угоду царю и к выгоде имябожников со всем усердием (кажется, потому, что не обладая значительными богословскими сведениями, считал возникший спор о почитании имени Божия маловажной вещью и хотел в то же время угодить своим начальникам).

В определении Святейшего Синода от 27 августа 1913 года за № 7644, между прочим, постановлено: 1) усвоить последователям нового лжеучения наименование имябожников, как наиболее соответствующее содержанию их учения, 2) отправить прилагаемое при сем послание от имени Святейшего Синода Его Всесвятейшеству Вселенскому Патриарху Герману V с просьбой произвести канонический суд над упорствующими, подчиненными его духовной власти, а раскаявшихся разрешить русскому Святейшему Синоду принимать в церковное общение и сообщить решение Константинопольского Священного Синода относительно этого дела, 3) по получении ответа от Патриарха иметь суждение о дальнейших мерах, касающихся упорствующих имябожников ... 6) предоставить епархиальному епископу: а) разрешить кающегося имябожника от греха ереси и противления Церкви лично или чрез местного священника и наложить по своему усмотрению епитимию, б) допустить его ко Святому Причащению и разрешить поступать в тот монастырь, куда примут, предписав настоятелю и духовнику сего монастыря подвергнуть его строгому надзору.

Константинопольский Патриарх Герман в своем ответном послании Синоду от 11 декабря 1913 года пишет: «Мы, со вниманием рассмотрев и рассудив соборно это дело, при содействии состоящих при нас священнейших и пречестных митрополитов и дорогих возлюбленных во Святом Духе братьев и сослужащих, решили и постановили дальнейшую судьбу оказавшихся в России монахов имябожников, какой бы степени и чина они ни были, возложить на непосредственное попечение и решение церковной власти в России, чтобы она, как законная правящая власть их, довела до конца это дело совсем и от нашей великой Христовой Церкви предоставленным полномочием и применила к ним то, что подобает на основании священных канонов». Таким образом, Константинопольская Церковная Власть передала весь суд над русскими имябожниками Святейшему Российскому Синоду. А Русский Синод разрешил епархиальным архиереям снимать осуждение и церковные наказания только с кающихся имябожников, но не дал ни епархиальному архиерею, ни Синодальным конторам

права отменять или смягчать наложенные Синодом или Патриархом наказания и запрещения на имябожников непокаявшихся.

Все это прекрасно известно обер-прокурору Синода Саблеру и преосвященному Верейскому Модесту; не вполне забыл это в 1914 году и ветхий старец – митрополит Макарий. Но для них важнее было данное 15 апреля 1914 года царское повеление отменить суд, снять наказания и с упорных имябожников. И вот, в августе того же 1914 года митрополит Макарий и преосвященный Модест направили в Петроград к обер-прокурору Синода Саблеру иеросхимонаха Антония (Булатовича) с таким рекомендательным письмом, писанным собственноручно епископом Модестом от 27 августа 1914 года за № 151:

«Податель сего – иеросхимонах Антоний (Булатович), явившись ко мне из данного ему отпуска, заявил мне о своем желании и готовности посвятить свои силы на дело священнослужения среди воюющих братий или среди раненых и просил ходатайства моего о командировке его в качестве священника в действующую армию или в который-либо из находящихся в действующей армии госпиталей. Это же свое желание отец Антоний высказал и Высокопреосвященнейшему митрополиту Макарию, прося его благословения на ходатайство о сем деле, которое от него и получил.

Со своей стороны я не видел бы препятствия к осуществлению этого желания отца Антония, ибо, поскольку я его узнал, он далек от мысли нести какую-либо пропаганду своих идей *среди массы* (курсив подлинника)¹³ и если просится на войну, то совершенно искренно желая положить душу свою за други своя.

Поэтому и я позволил ему отправиться в Петроград, дабы испросить ходатайства об освобождении его от суда, снятия с него запрещения в священнослужении и о разрешении ему отправиться в качестве священнослужителя в действующую армию. С подобной же просьбой – командировать на войну в качестве священнослужителей – обращались ко мне и некоторые другие иеромонахи, например, Викентий, Федим, Николай, Сила и другие, проживающие во вверенном мне Покровском монастыре.

Думаю, что если бы дано было разрешение отправиться им на войну по снятии с них запрещения, то это тоже способствовало бы скорейшей ликвидации всего афонского дела».

«Вашего Высокопревосходительства смиренный богомолец епископ Верейский Модест»¹⁴. (Архив, т. III, ч. II, лист 59).

Старый специалист церковного судопроизводства, обер-прокурор Саблер, конечно, прекрасно сознавал, что с непокорных церковных преступников, осужденных и наказанных Синодом, может снимать (или смягчать) наказание только Синод же, или та духовная инстанция, которой Синод дает на это полномочие. Саблер прекрасно знал, что Синод никакому епархиальному архиерею и никакой синодальной конторе на это полномочий не давал. Мало того, Саблер прекрасно помнил, что определением своим от 10–24 мая 1914 года за № 4136, Синод выделил Антония (Булатовича) и архимандрита Давида в особую группу для своего специального судопроизводства над ними. Но обер-прокуроры Синода слишком привыкли к самоуправству в делах церковных и к попранию церковных прав Синода. И Саблер и на этот раз предпочел потоптать права Синода, имея пособником себе митрополита Макария вместе с епископом Модестом, приславшего к нему <Антония> Булатовича. Саблер решил совсем не передавать просьбы <Антония> Булатовича на официальное суждение Синода.

Как именно он поступил, это видно из его двух официальных писем почти одинакового содержания, посланных от 1 сентября 1914 года: одно – митрополиту Макарию (за № 14432), другое – епископу Модесту (за № 14438). Обоим владыкам Саблер сообщает, что о таковой просьбе <Антония> Булатовича и других непокорных имябожников им «доведено было до сведения первенствующего члена Святейшего Синода, высокопреосвященного митрополита Владимира, и он со своей стороны находил бы возможным удовлетворить упомянутое желание афонских иноков, разрешив священнослужение на все время военных действий тем из них, кои имеют священный сан». Даже допустив, что Саблер вполне точно передает в письме отзыв митрополита Владимира, все-таки, во-первых, это был отзыв только одного из членов Синода, имеющего голос, равный с голосом каждого другого члена Синода, а не отзыв всего Синода. Во-вторых, даже по письмам Саблера нет ни малейших оснований думать, что митрополит Владимир говорил Саблеру, что снять запрещение священнослужения с афонских имябожников имеет право кто-либо другой, кроме Синода же!¹⁵ Но Саблера это не смутило. В том же своем письме митрополиту Макарию Саблер далее пишет: «Сообщая о сем (т. е. о мнении митрополита Владимира) и зная Ваше доброе расположение к названным инокам, почитаю долгом просить Ваше Высокопреосвященство преподать пребывающим как в Покровском монастыре, так и в иных местах афонским инокам свое благословение на отбытие в действующую армию и разрешить священнослужение на все время военных действий тем из них, кои облечены в священный сан» (Архив, т. III, ч. II, листы 595, 598).

С церковной точки зрения, просьба эта была совершенно незаконная, и митрополит Макарий это знал. митрополит Макарий всего лишь месяца три тому назад получил из Синода в Московскую синодальную кантору, где состоял тогда Первоприсутствующим, указ за № 8625 с сообщением определения Синода от 10–24 мая 1914 года, за № 4136, в каком определении сказано, что <Антония> Булатовича и архимандрита Давида Синод выделяет в особую группу для особого судопроизводства над ним, и что суд над упорными имябожниками Синод отлагает, так что судебные полномочия над *некающимися* имябожниками кончились после этого синодального определения не только у первоприсутствующего Московской синодальной канторы, т. е. у митрополита Макария, но и у всей Московской канторы. Поэтому-то в конце августа митрополит Макарий только лишь благословил <Антония> Булатовича ехать в Петроград добиваться себе разрешения от запрещения в священнослужении и вообще смягчения своего церковного наказания, но своею митрополичьей властью не осмелился смягчить или снять наказание, лежавшее на <Антонии> Булатовиче, потому что это было бы захватом прав, принадлежащих только Синоду, со стороны Московского епархиального архиерея. Но теперь, когда царский обер-прокурор Саблер, письмом от 1 сентября, попросил митрополита Макария совершить для выгоды имябожников этот захват принадлежащих только Синоду прав, митрополит поторопился совершить такое беззаконие и уведомить Саблера, что исполнил его просьбу, тем более что Саблер, дополнительно к письму от первого сентября, послал митрополиту Макарию еще письмо от 2 сентября за № 14452, в котором просит: «В дополнение к письму от 1 сентября 1914 года, за № 14432, имею честь просить Ваше Высокопреосвященство о дозволении Вашем иеросхимонаху Афонского Пантелеймоновского монастыря Антонию (Булатовичу) отправиться в действующую армию с разреше-

нием священнослужения на все время военных действий сообщить для объявления отцу Антонию, мне» (Архив, т. III, ч. II, лист 600).

По поручению митрополита Макария, преосвященный Модест телеграммой от 4-го и письменным донесением от 5 того же месяца сентября, за № 685, доложил обер-прокурору: «Согласно письму Вашему на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Макария, митрополита Московского и Коломенского, и мое, разрешены в священнослужении следующие афонские иноки: архимандрит Давид, иеромонахи: Антоний (Булатович), Сила, Варахия, Николай, Гиацинт, Федим, Филарет, Сергей, Илиодор, Викентий, Онуфрий, Пахомий и Макарий. Причем усерднейше прошу ходатайства Вашего Высокопревосходительства о зачислении всех их, кроме архимандрита Давида и иеромонаха Пахомия, в действующую армию»¹⁶. (Архив, там же, листы 610, 611). Кроме того, митрополит Макарий, отношением лично от себя тоже уведомил Саблера о разрешении, данному <Антонию> Булатовичу (лист 612). Как видим, любезность к имябожникам дошла до того, что архимандрит Давид и иеромонах Пахомий освобождены от синодального суда и наказания митрополитом Макарием даже без предлога отсылки их в действующую армию; прочие же упорные имябожники, носящие священный сан, освобождены были от суда и наказания под предлогом отсылки в действующую армию и на время войны только.

За таким началом последовало такое же и продолжение. Преосвященный Модест послал обер-прокурору Саблеру от 17 того же сентября 1914 года за № 713, ходатайство, в котором пишет: «Разрешенные в священнослужении иеромонахи-афонцы почти все находятся ныне в русской армии. Простые монахи-афонцы, кроме стариков, отправились также на войну в качестве санитаров дворянской и других организаций. Доводя о сем до сведения Вашего Высокопревосходительства, я почтительнейше прошу ходатайства Вашего Высокопревосходительства о разрешении всем афонцам-монахам причащаться Святым Христовым Таинам, так как их подвиг служения раненым воинам заслуживает того, чтобы церковная власть, снизойдя к их немощам, не лишила бы их Святого Причастия. Многим из них, быть может, придется умереть на поле брани. Об имеющем быть разрешении афонским монахам причащаться Святых Христовых Таин необходимо напечатать в "Церковных ведомостях", так как иноки рассеяны по войскам в разных местах» (Архив, т. III, ч. II, лист 613). На полях донесения чья-то (но не рукою Саблера) пометка карандашом: «без отречения?..» Внизу донесения пометка карандашом: приказано приложить к делу 25/IX-14».

Из дальнейшего содержания архива об имябожниках не видно, чтобы это ходатайство преосвященного Модеста было предметом официального суждения Святейшего Синода. Тем не менее, как видно из поданного в 1916 году уполномоченными всех выселенных в Россию афонитов прошения государю, в действующей армии, в епархиях Московской и Киевской и везде в лазаретах разрешалось приобщение Святых Таин поголовно всем афонским монахам-выселенцам, равно как и священнослужение тем из них, которые имели священный сан (Архив, т. III, ч. I, лист 695). Кроме того, по ходатайству преосвященного Феодосия Смоленского, Синод разрешил поместить в Бельскую Красногородищенскую пустынь Смоленской епархии иеромонаха Сергия, имябожника из числа непокаявшихся, но разрешенных митрополитом Макарием в священнослужении, не отняв у иеромонаха Сергия этого разрешения. Из дела не видно, чтобы

Синод официально запрашивал Московскую синодальную контору не только о том, разрешен ли в священнослужении Сергей, но и о том, покаялся ли Сергей во грехах имябожничества. Таким образом есть с формальной точки зрения приходится считать, что в этом случае со стороны Синода был простой официальный недосмотр, происшедший вследствие отсутствия официальных сведений у Синода о том, что митрополит Макарий давал афонитам и незаконные разрешения священнослужения (определение Синода от 9–30 января 1915 года за № 169). (Архив, т. III, ч. II, лист 654). Вот что произошло вследствие допущенной Синодом отсрочки окончательного суда над упорными имябожниками.

В таком двусмысленном положении дело о разрешении непокаявшимся имябожникам причащения Святых Таин и священнослужения тем из них, кто имеет священный сан, находилось до весны 1916 года, когда непокаявшиеся имябожники снова попробовали через Государя Императора заставить Русский Синод дать им полное освобождение от всякого церковного суда и наказания. 4 марта 1916 года Государь Николай Александрович собственноручно начертал резолюцию: «следует удовлетворить» на прошении уполномоченных от всех афонских монахов, выбывших из Старого Афона. Вот текст этого прошения:

«Покорнейше просим Ваше Императорское Величество об официальном опубликовании в “Церковных ведомостях” данного уже почти два года тому назад Синодального распоряжения, дабы не было препятствия совершать священнослужение тем из нас, приехавшим с Афона монахам, кто имеет священный сан, и всем нам, монахам, приобщаться Святых Христовых Таин. Вследствие отсутствия официального напечатания вышеупомянутого распоряжения мы, изгнанные с Афона монахи, имеем возможность совершать священнослужение и приобщаться Святых Таин не во всех епархиях святой Православной Русской Церкви, но лишь в Московской и Киевской, а также в армии и в лазаретах для больных и раненых воинов. По причине отсутствия общего по епархиям распоряжения, епископы прочих епархий из боязни не решаются допускать нас к священнослужению и даже к приобщению Святых Христовых Таин, следствием чего уже были среди нас случаи смерти без христианского напутствия и даже без христианского чинопогребения, как это случилось с монахом Севастьяном <в> Вятской губернии, Яранского уезда, Ихтинской волости.

Изъяснив наш неподдающийся описанию ужас духовно-нравственного бедствия, присоединенный к испытываемым нами столь же тяжким внешним бытовым бедствиям и страданиям, покорнейше просим Ваше Императорское Величество не отказать сделать распоряжение об официальном извещении епархиальных преосвященных о нашем праве – совершать священнослужение тем из нас, кто имеет священный сан, и всем нам, монахам, приобщаться Святых Христовых Таин, и быть погребаемыми по обряду монашескому Православной Церкви, но никак не по мирскому обряду, как погребены были схимонах Ионафан, проживший на Афоне 60 лет, и схимонах Афиноген – 45, и другие».

Подписано: Священно-архимандрит Давид со всею братиею, вывезенною с Афона. Иеромонах Николай (Иванев). Иеромонах Викентий (Филатов). Иеромонах Сила (Ершов). Схимонах Иларион (Федюков). Схимонах Филадельфий (Орлов). Монах Ириней (Цуриков). Монах Манассия (Зенин). За схимонаха Исаакия Грязева, по личному доверию, монах Манассия (Зенин). (Архив, т. III, ч. II, лист 695).

Обер-прокурору Синода, А. Волжину, это прошение с высочайшею резолю-

цією, было сдано 5 марта, а в Синоде оно было заслушено в копии, сданной обер-прокурором 10 марта того же 1916 года. Очевидно, в виду неточного изложения фактов в прошении имябожников, Синод в своем определении от 10 марта 1916 года за № 2670 сначала кратко излагает историю отношений к имябожникам Константинопольского Патриарха и Русского Синода, а в конце делает и свое постановление по поводу «всеподданнейшего прошения выбывших из «Старого Афона» монашествующих: архимандрита Давида, иеросхимонаха Николая, иеромонаха Викентия и других «об официальном извещении епархиальных преосвященных о праве совершать священнослужение тем из них, просителям, которые имеют священный сан, и всем им приобщаться Святых Христовых Таин и быть погребаемыми по обряду монашескому Православной Церкви, с собственноручным высочайшим Его Императорского Величества начертанием: «следует удовлетворить».

Так как весь этот документ за № 2670 мною в копии предложен вниманию Подотдела в первом моем докладе, то я не буду его здесь повторять, а ограничусь здесь напоминанием резолютивной части постановления: «По рассмотрении дела, принимая во внимание, 1) что некоторые из афонских иноков, причастных имябожническому учению, привлеченные к суду Московской Святейшего Синода конторой, по надлежащем испытании верования их приняты Московскою Святейшего Синода конторой в церковное общение с прекращением о них судебного дела и разрешением священнослужения тем из них, которые находились в священном сани, 2) что некоторые афонские иноки, удаленные с Афона в связи с имябожническим лжеучением, не предававшиеся суду Московской синодальной конторы, по засвидетельствовании ими о своей преданности Православной Церкви, приняты в церковное общение теми преосвященными, в епархиях которых они проживали, и 3) что Святейший Синод при рассмотрении постановлений Московской синодальной конторы по делу об афонских иноках признал возможным не требовать от иноков-имябожников какого-либо письменного акта, допуская и устное их засвидетельствование о своей преданности Православной Церкви, точном следовании ее догматам и учению, отречении от имебожнического лжеучения и послушании богоустановленной иерархии, с целованием Святого Креста и Евангелия, Святейший Синод определяет: 1) уведомить преосвященных, что афонские иноки, не принятые еще в общение с Церковью, могут быть принимаемы в таковое общение по надлежащем испытании их в верованиях и по засвидетельствовании ими о своей преданности Православной Церкви, точном следовании ее догматам и учению, отречении от имябожнического лжеучения и послушании богоустановленной иерархии, с целованием Святого Креста и Евангелия, без требования от них какого-либо письменного акта и засим, как принятые в общение с Церковью, они подлежат допущению к Святому Причастию и погребению по правилам Православной Церкви, о чем, для исполнения настоящего определения, напечатать в «Церковных ведомостях» и 2) предоставить Синодальному обер-прокурору о настоящем определении Святейшего Синода, предварительно его исполнения, всеподданнейше представить Его Императорскому Величеству на Высочайшее благовоззрение».

В этом постановлении Святейшего Синода находим, во-первых, подтверждение основного правила, что имябожники должны быть принимаемы в общение церковное и допускаемы к Церковным Таинствам не иначе, как под непрерывным условием отказа от имябожнического лжеучения и по засвидетельство-

вании ими верности догматам и учению Церкви и послушании церковной власти. Во-вторых, в своем перечислении бывших случаев приема в церковное общение имябожников, Синод признал случаями действительно состоявшегося приема в церковное общение только те факты, когда Синодальная канцелярия или епархиальные преосвященные принимали грешивших имябожием «по засвидетельствовании последними о своей преданности Православной Церкви», «по надлежащем испытании верования их». Таким образом, Синод не признал действительно состоявшимся приемом в церковное общение своевольные действия митрополита Макария и епископа Верейского Модеста, разрешавших священнослужение и общение в Таинствах имябожникам, не принесшим раскаяния в лжеумствованиях имябожничества. В-третьих, Синод опроверг заявление уполномоченных афонитов, сказавших в прошении Государю, будто бы «уже почти два года назад» последовало «Синодальное распоряжение, дабы не было препятствий совершать священнослужение тем из них, приехавшим с Афона монахам, кто имеет священный сан, и всем им, монахам, приобщаться Святых Христовых Таин», показавши историческою справкою об отношении Патриархов и Русского Синода к имябожникам, что сам Синод разрешал таковое общение только отринувшим лжеумствования и непокорство имябожничества, а не пребывающим в имябожничестве отступлении. В-четвертых, опираясь на вышеизложенное, Синод отказался исполнить, поддержанную собственноручной резолюцией Государя: «следует удовлетворить», просьбу афонитов, высланных с Афона за имябожничество в Россию, о том, чтобы церковная власть сделала «официальное извещение Епархиальных преосвященных о праве» всех их – и покаявшихся в имябожничестве, и непокаявшихся – «совершать священнослужение тем из них, кто имеет священный сан, и всем им, монахам, приобщаться Святых Таин и быть погребаемым по обряду монашескому Православной Церкви». И в-пятых, Синод постановил все это свое определение от 10 марта 1916 года за № 2670 предварительно его исполнения всеподданнейше представить чрез обер-прокурора на государево «благовоззрение». Таким образом, Синод остался верен своему прежнему суждению и решению относительно имябожников и их учения.

Обер-прокурор Синода того же 10 марта сдал в свою Канцелярию оригинал вышеприведенного прошения афонитов с следующей своей отметкой: «Святейшему Синоду было мною доложено и состоялось определение». От 6 апреля того же 1916 года за № 2928 Канцелярия обер-прокурора срочно просила Синодальную канцелярию доставить ей копию определения Синода от 10 марта 1916 г. за № 2670 (Архив, т. III, ч. II, лист 693–694). О дальнейшей участи этого определения за № 2670 в архиве дел об имябожниках говорит только надпись карандашом внизу первой страницы документа, сделанная почерком секретаря Синодальной канцелярии Екшурского: «доложено Его Высокопревосходительству 27 сентября 1916 г. и приказано отложить». И в согласии с этой пометкой под определением Синода от 10 марта 1916 г. за № 2670 нет приписки о том, что оно обер-прокурором пропущено к исполнению. Таким образом, царский обер-прокурор лишил Синод возможности опубликовать и дать силу обязательного распоряжения этому синодальному определению, ясно объявлявшему, каково отношение Синода к имябожничеству и имябожникам и как должна относиться к ним епархиальная власть, и тем полагававшему конец всем двусмысленностям и запутанностям, накопившимся к тому времени в данной области в Русской Церкви. Это было новое насилие государственной власти над Синодом в де-

лах об имябожнической смуте, и оно усилило имябожническую смуту в России. Но для того, чтобы ясно представить себе вред, какой внесло в церковную жизнь это последнее обер-прокурорское насилие над Синодом, и для того, чтобы представить себе в достаточной степени размеры и подлинный нравственный характер всей афонской смуты в России, необходимо принять во внимание еще одно обер-прокурорское произвольное действие в пользу имябожников, широко использованное Булатовичем. Но об этом я имею честь предложить вниманию Подотдела в следующей (третьей) главе моих замечаний и дополнений, где подведу и итоги.

ГЛАВА* 3

Об обращении Святейшего Синода, после долгих недостаточно успешных увещаний имябожников на Афоне, к гражданской власти с просьбой о немедленном, хотя бы и принудительном, выселении с Афона в Россию всех русских имябожников, что правительство и исполнило.

Выселение монахов-имябожников с Афона лишило их возможности иметь на Афоне местожительство и пользоваться афонским церковным, в частности, монастырским достоянием. <Антоний> Булатович и в докладных записках Русскому Правительству и Русскому Синоду, и в печати многократно жаловался на это и от своего имени, и от имени прочих имябожников, видя в этом насильственном выселении попрание канонических и гражданских прав имябожников на гору Афон и на монастырское имущество Афона. В свое время в печати выступил целый ряд защитников претензий имябожников. Я не буду подробно полемизировать со всеми мелкими и крупными доводами <Антония> Булатовича и его защитников: в такой подробной полемике не будет нужды, если мы установим правильную принципиальную точку зрения вообще на подобные действия церковной власти, и в частности на это дело. Конечно, правильной точкой зрения будет только православно-церковная, как наивысше справедливая, содержащая в себе не человеческую, а Божию правду. Эту точку зрения я и постараюсь установить.

Обладание тем или иным достоянием (иначе говоря, имуществом) бывает двух родов: 1) или на правах полного собственника этого достояния, 2) или на правах только пользования этим достоянием. Как особое учреждение, Христова Церковь существует наряду с другими учреждениями, как единица между других единиц. Такова была воля Христа, учредителя Церкви, Который Сам выделил ее и обособил от других учреждений и организаций, назвавши ее Царством Своим не от мира сего (Ин. 18, 36) и Своим особым стадом овец: Я есмь пастырь добрый и знаю Моих, и Мои знают Меня (Ин. 10, 14). По организации своей Церковь земная есть Тело Христово, соединенное со Христом воедино и имеющее Христа своим Богом и Главою (Еф. 1, 22–23; 4, 15–16). Поэтому всякое церковное достояние, во-первых, составляет в самом полном смысле собственность Главы Церкви и Бога ее – Христа, а членам Церкви принадлежит на праве собственности в несравнен-

* В рукописи – “раздел” (Прим. изд.).

но меньшей мере, лишь до некоторой степени. Это выражено, между прочим, и в литургийной молитве о церковном достоянии, в словах: «Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое». Апостольские правила прямо называют церковное достояние «Господним» (Правило 40). Но будучи членами Тела Христова (1 Кор. 12, 27), земные христиане, в некоторой, несравненно меньшей степени, тоже являются собственниками церковного имущества совместно с Христом. Такова именно была воля Христа, Который со дня основания Своей Церкви сообща с апостолами Своими владел первым церковным достоянием: именно, тем ковчежцем, в который боголюбивые Иудеи полагали свои пожертвования в пользу Христа и учеников, одинаково не имевших, где главу приклонить (Лк. 8, 3; Ин. 12, 6); ковчежец этот был на руках у учеников, и Христос дал им некоторое полномочие распоряжаться содержимым ковчега по их усмотрению и желанию; то есть до некоторой степени на праве собственности (Ин. 12, 6; 13, 27–29). И никто во всем мире не имеет права отнимать у Церкви законно приобретенное церковное достояние в свою пользу: безумно и богопротивно говорить и мыслить, будто кто-либо в мире имеет право отнимать у Христа и Его учеников их общий «ковчежец». И употреблять и расходовать церковное достояние могут только Сам Христос Бог да Его верные ученики, которым Он, по свидетельству Евангелия, и при земной жизни Своей давал это право (Ин. 12, 6; 13, 29) и которые являются сонаследниками Христа (Рим. 8, 13) в земном Его царстве, то есть в Церкви (Кол. 1, 13–14). Причем, ученики Христовы должны расходовать церковное достояние только на дела, угодные Христу, то есть (как указывает Евангелие) или на богоугождение, как Мария (Ин. 12, 3–8), или на нужды христиан и прежде всего пастырей: апостолов и их преемников (Ин. 13, 29), или же на благотворительность всякому нуждающемуся, наипаче же – верным Христу (Гал. 6, 10), и вообще на какое-либо богоугодное дело¹⁷ (Ин. 13, 29).

Каиафа, Варавва, Пилат и прочие, не принадлежащие к апостольской Церкви учеников Христовых, никогда не получают законного права обладать церковным имуществом, хотя и часто отбирают церковное достояние путем несправедливого насилия, доходя и до того в грабеже, что делят между собою последние ризы Христа и Его учеников. Иуды-изменники, отпавшие от верности Христу, после отпадения тоже теряют всякое право на обладание церковным имуществом, ибо они уже не в Церкви, не члены ее; вообще каждый отлученный от Церкви Христовой теряет всякое право на обладание каким бы то ни было церковным достоянием, а тем более – на управление им, потому что он уже не член Христова Тела. Пусть в истории Церкви отлученные, пользуясь своей силой, присваивали себе многие православные храмы и другое церковное достояние; с Божьей точки зрения это остается ограблением Церкви, хотя бы православные по нужде, ради спасения душ, и говорили при этом отлучаемым: возьмите у нас и еще больше, только избавьте нас от вашего соблазна. Когда христиане, исполняя завет Христов, говорят грабителю, хотящему отнять верхнюю одежду: возьми и нижнюю, поступок грабителя от этого не делается лучше, но остается грабежом. Итак, право обладания, а тем более распоряжения церковным достоянием в полноте принадлежит только Христу Богу, так что все церковное достояние всех веков во всех пределах мира есть единое имущество единого вечно живущего Хозяина – Сына Божия, а до некоторой степени церков-

ное достояние есть собственность и истинных христиан, поскольку те суть сонаследники Христа, как члены Христова Тела, то есть Церкви.

Перехожу к порядку, в каком члены Церкви законным с Божией точки зрения образом обладают церковным достоянием. Во-первых, так как церковное достояние принадлежит Церкви лишь потому, что она есть Тело Христово; так как христиане участвуют вместе со Христом в обладании церковным достоянием лишь постольку, поскольку являются членами церковного Тела Христова, поскольку суть «Христовы» (1 Кор. 2, 23), то церковное имущество богоугодно и законно распределяется в обладание христианам только в том случае, если распределяется согласно делению единой Церкви – Тела Христова – на большие и малые церковные ячейки, на «дворы» словесных Христовых овец (Ин. 10, 16): на Поместные Церкви, а в Поместных Церквах – на епархии; в епархиях же – на приходы, монастырские обители, храмы. А если бы кто вздумал распределять церковное достояние между христианами по тому, что один из христиан – серб, другой – грек, третий – японец, четвертый – купец, пятый – красноармеец, шестой – земледелец, седьмой – крепостной крестьянин или острожник, то распределение по таким принципам и основаниям противно самому понятию о Церкви, в которой нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного гражданской свободой, ни мужского пола, ни женского, но все мы – одно во Христе (Гал. 3, 28; Кол. 3, 11). Христиане в земной церкви Христовой, по учению апостола Павла, когда рассматриваются вместе, суть «Тело Христово, а порознь – члены» этого Тела, члены Христовы (1 Кор. 12, 27) и только. Никаких политических, национальных, социальных, промышленно-торговых и иных «мирских» или, как теперь выражаются на литературном языке, «светских» распределений в Церковь Христову не допускается. Вносящий в порядок обладания церковным достоянием мирские основания, или принципы, распределения, незаконно, нарушает самую природу Церкви, как Христова «Царства не от мира сего» (Ин. 18, 36), хотя и пребывающего в мире сем.

Во-вторых, нельзя смотреть на церковное достояние, как на принадлежность только одних живущих в настоящее время на земле христианских поколений. Церковь вечна, охватывает, – как Христово, уже бессмертное, Тело, – все поколения истинных христиан, крещеных и вкушающих Евхаристию: и бывшие на земле поколения, и теперь существующие на земле, и имеющие в будущем народиться на земле. Глава Церкви, Христос, есть «Бог, называющий несуществующее (будущее) как существующее» (Рим. 4, 17), и об умерших заявивший, что «у Него все они живы», числясь среди живых не меньше, чем те, кто еще обитает на земле (Лк. 20, 39). Поэтому всякое церковное достояние во всякую минуту есть принадлежность всех поколений членов Церкви, а не одних только существующих теперь. Прежние и будущие поколения членов Церкви во всякую минуту суть совладельцы существующим на земле поколениям; и существующим на земле поколениям придется дать прочим поколениям отчет в том, как они поступили с каждым церковным достоянием. В некоторых государствах существовали и существуют так называемые родовые имения, то есть имения, принадлежащие не отдельному лицу и не отдельному поколению, а целому известному роду из поколения в поколение. Вот подобно сему, и Церковь, по учению слова Божия о ней, есть «род избранный» (1 Пет. 2, 9), охватывающий все поколения христиан всех веков; и всякое церковное достояние, поскольку принадлежит членам Церкви, есть достояние «рода», «родовое» имущество всех христианских

поколений, а не имущество какого-нибудь одного или двух-трех поколений, а тем более не есть имущество отдельного христианина или отдельной кучки лиц.

В-третьих, в области управления церковным достоянием, с Божьей точки зрения, как всецелым и полным управителем всякого церковного достояния есть Христос, посланный в мир в качестве Главы Церкви, получивший «всякую власть на небе и на земле» (Мф. 28, 18), так из членов Церкви главными и высшими управителями церковного достояния, по сравнению с прочими христианами, являются те члены Церкви, которым Христос сказал: как послал Меня Отец, таким же образом и Я посылаю вас (Ин. 20, 21), то есть высшая иерархия: апостолы и их преемники – епископы. Вот почему первые христиане все то, что жертвовалось в церковное достояние, «приносили и полагали к ногам апостолов» (Деян. 4, 34–37; 5, 2). Вторыми земными распорядителями церковного достояния является прочая иерархия в меру их иерархической благодати, то есть, во-первых, иереи, во-вторых, диаконы. Все это и само собою так понятно, если христианин сознает и помнит, что в Церкви Христовой все церковное зависит только от благодатных дарований и больше ни от чего¹⁸. О всем этом так много говорилось в соборных правилах за первую тысячу лет церковной истории, что, казалось бы, это должно быть очевидно каждому христианскому отроку; но, к сожалению, у наших поколений так слабо развито церковное сознание и часто так затуманено у тех, кто и не чужд был желания развить его правильно, что эти первоначальные, элементарные истины христианского сознания нужно бывает доказывать и многим образованным христианам. Поэтому считаю своим долгом указать на Апостольские 38-е и 41-е правила и 24-е правило Антиохийского Собора, повелевающие, чтобы после апостолов церковным имуществом заведывали епископы; и на Апостольское правило 41-е и Антиохийские 24-е и 25-е правила, говорящие о том, что низшими, по сравнению с епископом, управителями церковного имущества являются пресвитеры и диаконы. Вот кто суть управители церковного достояния по Божьему закону.

Установивши принципиальный взгляд, согласный с Божиим словом, на владетелей и распорядителей всякого церковного достояния, перехожу к краткому обзору неправильных суждений об Афонском церковном имуществе, высказанных имябожниками. В жалобах имябожников, изгнанных с Афона, и в их продолжающихся претензиях на обладание афонскими церковными местностями и монастырями, во-первых, совершенно отсутствует мысль, что церковное достояние есть Христово, «Господне» (Апостольское правило 40-е), и что только один Христос есть в полном и строгом смысле владелец-собственник церковного достояния; в противность этому, имябожники на Афон и его монастыри со всем монастырским имуществом смотрят только как на человеческое имущество. Подробнее всего взгляды имябожников на Афон с его монастырями и прочим церковным имуществом изложены во второй докладной записке иеромонаха <Антония> Булатовича, поданной обер-прокурору Синода И. П. Раеву в октябре 1916 года и находящейся во II части III тома архива об имябожниках (лист 715 и далее). В этой записке <Антония> Булатовича нет и намека на признание церковного имущества собственностью Господа, Главы Церкви. Точно так же у имябожников нет и намека на ту истину, что христиане имеют право обладания церковным имуществом лишь в той мере, в какой мере они являются членами Христова Тела – Церкви, и лишь так, чтобы их пользование церковным достоянием соответствовало Христову закону. Наоборот, со всюю отчетли-

востью проводится имябожниками (в частности, и в вышеупомянутой докладной записке <Антония> Булатовича мысль, что бывшие члены Церкви, отпавши от Церкви чрез ересь или раскол, сохраняют за собой полное право на обладание, на управление и распоряжение церковным достоянием. Имябожники настойчиво проводят и отстаивают мысль, что даже и после формального отлучения и отделения своего от Церкви, отпавшие члены Церкви сохраняют все прежние свои права на церковное достояние: храмы и прочее.

В-четвертых, имябожники самым настойчивым образом проводят и отстаивают ту ложную мысль, что единственными владельцами всякого церковного достояния в каждое данное время являются только те, которые в это время живут на земле. В-пятых, имябожники нисколько не приемлют и той истины, что члены Церкви имеют тем бо́льшие права на обладание и распоряжение церковным имуществом, чем выше и ближе ко Христу–Главе Церкви поставлены они в благодатно-иерархическом отношении; и тем меньшие права, чем ниже стоят на благодатно-иерархической лестнице. Апостольская и соборная истина о том, что главные обладатели и распорядители церковного имущества у Христа являются апостолы из чина 12-ти, затем архиереи, потом пресвитеры и так далее – эта истина совершенно отрицается имябожниками, в частности, отцом Антонием (Булатовичем).

В-шестых*, Афон, это многовековое церковное достояние, <Антоний> Булатович признает в упомянутой записке имуществом не церковным, а только частным, имуществом одних афонских монахов, частной их собственностью, а самых монахов афонских изображает независимыми от власти Патриарха и даже не частью монашествующего духовенства Константинопольской Церкви, а отдельной от общецерковного духовенства частной кучкой духовенства: «монастырские афонские общества суть совершенно частные и вольные братства», пишет <Антоний> Булатович в вышеупомянутой докладной записке обер-прокурору Раеву (с. 10): «Патриарх не осмеливался вмешиваться в самоуправление афонских монастырей... довольствовался номинальной властью архиепископа святой Горы (с. 1). «Афон искони представлял из себя исключительно монашескую и совершенно автономную территорию, автономию которой одинаково чтили и повелители страны – турки, и духовная власть – патриархи» (с. 1). В частности, об имуществе афонском <Антоний> Булатович пишет, что «собственниками его являются в равной мере все иноки общежития» и только (с. 10).

Таким образом, монахи афонской горы воображением <Антония> Булатовича представлены в виде каких-то вольных казаков-запорожцев в рясе, независимых от всякой высшей церковной власти. И эти буйные, неверные, противocerковные мысли <Антония> Булатовича не случайны и не на одну минуту явились в его голове: с очевидностью ясно, что <Антоний> Булатович в своей жизни руководится именно этими буйными мыслями о (мнимых) церковных вольностях афонского монашества. В бытность на Афоне, с помощью буйства и подлога грамоты захватывает вместе со своими сторонниками в свою власть храмы и весь Андреевский скит, клочи от казны, и всем захваченным распоряжаются на правах единственных обладателей, в основание своих действий приводя лишь одно: нас большинство, следовательно, одни мы владельцы и начальники «русского» Афона. Дополнительно к этому отстаивают право еретиков

* В рукописи ошибочно: в пятых. – Ред.

монахов самовольно сменять на православном Афоне игумена за верность Православию, если их, еретиков, в монастыре большинство; а у Патриарха Константинопольского, Вселенскими Соборами утвержденного главы Афона, отрицает как право поддерживать власть православного игумена против нападения еретиков, изгнавших игумена за Православие, так и право непризнания в должности игумена, выбранного еретиками еретика вместо православного, изгнанного еретиками же с игуменства.

Такое обилие принципиальных неверностей в суждениях имябожников извбавляет меня от необходимости возражать на всякую неправильную частность в их рассуждениях о церковном достоянии, которыми они пытаются доказать свои более уже не существующие права: право жительства на Афоне и права владетельные и распорядительные на Афонское церковное достояние. И я перехожу прямо к изложению истинного суждения по этим вопросам. Начну с суждения по вопросу о праве жительства на Афоне русских имябожников.

По верованию Православной Церкви, гора Афон, как и всякое иное церковное достояние, полным владетелем и распорядителем имеет Главу Церкви – Христа Бога, а членам Церкви только лишь отчасти принадлежат эти владетельные и распорядительные права на Афоне и все находящееся на нем церковное достояние: каждому члену Церкви по мере власти, данной ему от Христа благодатью Христовой. В частности, Церковь верует, что высшею по Христе и специальною небесною владетельницею Афона состоит Богоматерь, называемая нередко Икономиссою (Домоправительницею) Афона, как Ее специального земного удела (см. об этом в житии святого Петра Афонского)¹⁹. Следующим по размеру власти и прав владетелем и хозяином Афона является Православная земная Церковь в ее совокупности, в противопоставление государствам и всяким иным нецерковным обществам. Внутри же Вселенской Церкви из Поместных Церквей в отдельности ни одна не имеет на Афон хозяйственных и распорядительных и начальственных прав, кроме Церкви Константинопольской. Средоточием же прав Константинопольской Церкви на Афоне является Константинопольский Патриарх с соправительствующим ему Патриаршим Синодом. По полномочию от Константинопольской Высшей Церковной Власти, и доколе послушны ей и Церкви, имеют на Афоне некоторую часть владетельных и распорядительных прав над Афонским церковным достоянием и сами Афонские иноки, однако не все, а только те, которые являются уроженцами Константинопольской Церкви. Христиане же других Поместных Церквей, селящиеся на Афоне, суть не владетели, но только гости на Афоне, принимаемые христиански-гостеприимным хозяином – Константинопольской Церковью, соблюдающей в этом случае апостольское наставление: «страннолюбия не забывайте» (Евр. 13, 2). В частности, такими гостями являются все члены Российской Церкви, пришедшие на Афон и принятые там. Гость – не совладелец хозяина в том имении, куда его принял хозяин, но только гость. Права гостя над таким имением зависят всецело от того, сколько прав на хозяйское имущество и надолго ли даст ему действительный хозяин имущества. И если действительный хозяин даже не провинившемуся ни в чем гостю скажет: довольно тебе у меня гостить, теперь уходи от меня, у гостя с этого момента не остается никаких прав не только на обладание и распоряжение имуществом, но даже и просто на пребывание в этом владении действительного хозяина, переставшего оказывать ему гостеприимство. Поэтому с церковной точки зрения является вполне бесспорным

принципиальное право Афонской высшей администрации («Протата», или «Кинота») удалить с Афона не только всякого отступающего от Православия пришельца из Российской Церкви, но и всякого православного пришельца. Еще более бесспорно таковое принципиальное право у высшего хозяина и господина афонской горы – Константинопольского Патриарха. И если отступившие от Православия гости Афона, русские имябожники, не захотели покинуть Афон добровольно, то Афонская администрация и Константинопольская Патриархия всегда имели полное право удалить таких насильствующих над хозяевами гостей принудительно: или своею силою, или с помощью других, «ибо (как замечает 104-е правило Карфагенского Собора) и апостол Павел соумышление людей бесчинных препобедил воинской помощью» язычников (Деян. 23, 17–24). С церковной точки зрения двух мнений об этом быть не может.

Но желала ли сама администрация Афона и Константинопольский Патриарх удалить с Афона русских имябожников и лишить их права жительства на Афонских землях? В синодальном архиве об имябожниках есть подлинный «акт» от 17–19 мая 1914 года, поданный русским афонским монашеством бывшему Государю Николаю Александровичу и Русскому Святейшему Синоду. Акт начинается такими словами: «Мы, четырех с половиной тысячное население русских подданных иноков на Афонской горе, глубоко возмущенные действиями отца Антония (Булатовича) и его сподвижников, составляем настоящий акт, удостоверяющий как действия <Антония> Булатовича, так и всеобщее наше нежелание на будущее время иметь общение с бывшими нашими заблудшими собратиями, согласно наших горячих просьб удаленными с Афона пришедшим нам на помощь Русским Правительством». Далее, в пункте втором акта сказано: «все мы просим не возвращать к нам на чистый Афон даже и раскаявшихся бывших наших собратий; ибо как зараженная и отсеченная рука не может пристать к живому телу, так и они не могут вновь слиться с Афонским монашеством» (Архив, т. III, ч. II, лист 532^в).

Итак, даже и русское оставшееся на Афоне православное монашество – все «горячо просило» об удалении с Афона навсегда имябожников. Высшая всеафонская администрация – Кинот (или иначе, Протат), представляющий из себя совет начальников всех Афонских монастырских обителей, еще от 31 июля 1913 года высказал в особом акте тоже не только свое согласие на удаление с Афона имябожников, но и требование, чтобы никто из них не был вновь допущен на Афон, хотя бы и раскаялся в имябожничестве (см. «Русский Инок» 1914 г., выпуск 97). Точно так же было на это удаление и полное желание и формальное представление Русскому Синоду и Русскому Правительству и со стороны Константинопольского Патриарха. Патриарх Герман V в грамоте на Афон от 5 апреля 1913 года за № 2206 писал об имябожниках: «извещаем... относительно таковых, как еретиков и нарушителей церковного повиновения, приняты будут определенные церковными канонами меры, и что отнюдь невозможно, чтобы оставались таковые и пятном своим порочили честное ваше место». И затем, по соглашению с Всероссийским Синодом, предоставил и со своей стороны командированному на Афон последним архиепископу Никону полномочия произвести последнее вразумление и увещание имябожникам, и оставшихся непокорными и после сего увещания предать в распоряжение Русского Константинопольского посольства для выселения их в Россию. Архиепископ Никон именно так и сделал, и Патриарх Герман одобрил действия архиепископа Никона (см. о сем в

грамоте Русского Святейшего Синода Константинопольскому Патриарху от 11 октября 1913 года № 7644). (Архив об имябожниках, т. II, лист 484). Следовательно, устроенное Русским Синодом выселение имябожников с Афона в пределы России произведено Синодом с церковной точки зрения на самом справедливом и самом законном церковном основании, и у имябожников нет никакого права требовать, чтобы им возвращена была возможность вновь проживать на Афоне и вообще во владениях Афонских монастырей²⁰.

Доселе я рассуждал о правах, рассматривал выселение имябожников с Афона с правовой точки зрения, на каковую стал Антоний (Булатович) и прочие имябожники в своих жалобах на изгнание с Афона. Теперь я должен посмотреть на этот факт с точки зрения христианского человеколюбия, так как Церковный Собор не может забыть и эту точку зрения. Я не буду сейчас касаться тех приемов изгнания, какие употребила светская власть, совершая изгнание, – то дело светской власти; а я сейчас высказываюсь о действиях власти церковной (хотя и считаю нужным отдельно от сего высказаться и о приемах светской власти, употребленных при выселении имябожников); я буду говорить только о самом факте выселения имябожников. Христос Бог наш сказал: какая польза человеку, если он приобретет мир, а душе своей повредит, – и таким образом отметил, что интересы души несравненно выше интересов тела. А добавивши затем еще такое замечание: или какой выкуп (Божьему суду) даст человек за душу свою (Мф. 16, 26), Христос указал, что для людей спасение душ важнее всяких других – и духовных, и телесных интересов. Следовательно, христианское человеколюбие всех и все оценивает прежде всего в интересах дела спасения душ и интересам этого дела подчиняет все; и там, где интересы спасения душ принесены в жертву интересам какого-либо другого дела, там христианское человеколюбие уже попорно, забыто.

Итак, попорно ли было христианское человеколюбие тем фактом, что принятые в Афонские монастыри гости из Русской Православной Церкви были изгнаны хозяевами Афона из числа членов братства этих монастырей и удалены с Афонских владений за ересь и другие канонические преступления и проступки? Нет, христианское человеколюбие этим фактом не было попорно, а наоборот, соблюдено. Апостолы Христовы, правда, заповедали: «страннолюбия не забывайте» (Евр. 13, 2), но апостолы же Христовы установили и границы страннолюбия – они заповедали прекращать всякое гостеприимство, всякое страннолюбие по отношению к тем, кто обольщает хозяев и увлекает их на отступление от правого учения, от правды Божией: «Многие обольстители пришли в мир... Всякий, преступающий учение Христово и не пребывающий в нем, не имеет Бога; пребывающий в учении Христовом имеет Отца и Сына. Кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его» (2 Ин. 1, 7–10). Итак, по учению апостолов, забота о спасении душ требует, чтобы христианин прекращал страннолюбие и удалял от себя всякого обольстителя, вредящего спасению душ. Очевидно и ясно, что христианское человеколюбие требовало именно изгнания имябожников с Афона и исключения их из состава Афонской братии, в среду которой имябожники внесли так много греховного соблазна.

ГЛАВА* 4

О процессе церковного суда над имябожниками, который предприняла совершить Высшая Церковная Власть Российской Поместной Церкви.

Первый суд над имябожниками был произнесен на Афоне греческой церковной властью, но не Высшею Властью Константинопольского Патриархата, а высшею монастырскою властью Афона. Высшая монастырская администрация всего Афона, носящая название «Протата», или «Кинота», и представляющая собою совет всех Афонских настоятелей, 2 февраля 1913 года постановила, как дисциплинарную предохранительную меру: «в предупреждение от распространяющегося в большом кругу зла и в предупреждение опасных последствий, наш Священный Кинот, до исследования великой Христовой Церкви и до ее определения, объявляет сим: иеросхимонаха Антония и архимандрита Давида, как злославных, а также и всех единомудрствующих с ними подвергает церковному запрещению от всякого священнодействия и весь священный скит (Андреевский) церковному отлучению. Не дозволяется никому из православно-мыслящих общение со скитом, под угрозою, что и он будет отмечен злославным».

Следует точно понять постановление Кинота. Само по себе оно есть только монастырское дисциплинарно-судебное постановление игуменов, опирающееся только на принцип обязательности монастырского послушания монахов игуменам. А так как обет монашеского послушания Афонским игуменам давала только Афонская братия, то и указанное постановление Кинота само по себе было обязательно только для Афонского монашеского братства и больше ни для кого. Следовательно, в частности, запрещение имябожничавшим иерархическим лицам священнослужения, содержащееся в этом постановлении, легло только на Афонских имябожничавших священнослужителей и больше ни на кого; неафонского имябожничавшего священнослужителя, если бы таковой оказался, это запрещение нисколько не касалось, как не подчиненного афонским настоятелям. И запрещение общения с имябожниками Андреевского скита, сделанное Афонским Кинотом, тоже обязательно было только для Афонских монахов, ибо только они обязаны оказывать послушание Афонским настоятелям; не афонец мог и после этого запрещения вступать в общение с имябожниками. Такова сила и размер (пределы) кинотского дисциплинарного предохранительного суда над афонскими имябожниками.

Патриарх Герман V со своим Синодом, обсудивши доклад афонского Кинота об имябожниках и одобливши принятую Кинотом судебную меру против них, послал на Афон грамоту от 15 февраля 1913 года за № 758, с вызовом в Константинополь иеромонаха Антония (Булатовича) и архимандрита Давида для объяснений. Затем второю грамотою, от 5 апреля 1913 года за № 2206, снова обсудивши имябожное учение, сделал новое внушение имябожникам. Таким образом, Патриарх Константинопольский и его Синод самого суда своего над афонскими имябожниками так и не произнесли; но одобрение ими принятой Кинотом меры: отлучить всех имябожников Андреевского скита и всем Афонским имябожникам, имеющим священный сан, запретить священнослужение впредь до окончательного патриарше-синодального суда над ними, – самое

* В рукописи – “раздел” (Прим. изд.).

одобрение этой меры сделало эту меру обязательной к исполнению уже для всего Константинопольского Патриархата, и не только для Афона, а по Апостольскому правилу 32-му и Первого Вселенского Собора правилу 5-му, запрещенные и отлученные одной Церковью должны считаться таковыми и в других Церквях. Таким образом, с 5 апреля 1913 года все Афонские имябожники священного сана Высшей Церковной Властью Константинопольского Патриархата были запрещены в священнослужении, и все имябожники Андреевского скита были отлучены от Церкви, впрямь до окончательного патриаршего синодального суда над ними. В таком положении было дело до выступления Российского Святейшего Синода.

Святейший Синод Российский посланием своим «по поводу новоявленного учения книги «На горах Кавказа», опубликованном 18 мая 1913 года, «вполне присоединился к решению Святейшего Патриарха и Священного Синода Великой Константинопольской Церкви, осудившего новое учение как «богохульное и еретическое». Приглашает настоятелей и старшую братию находящихся в России честных обителей книгу «На горах Кавказа», как дающую основания к неправым мудрованиям, «Апологию» <Антония> Булатовича и все прочие книги и листки, написанные в защиту новоизмышленного учения, объявить осужденными Церковью». «Если же будут и после сего упорствующие приверженцы осужденного учения, то, немедленно устранив от священнослужения тех из таковых, которые имеют посвящение, всех упорствующих по увещании предать церковному суду» вновь. Таков был первый предварительный суд Высшей Власти Российской Церкви. Этот Российский церковный суд никого не отлучил от Церкви, ни даже от причащения, а только лишь запретил в священнослужении тех из имябожников, которые имели посвящение, вероятно, отчасти потому, что российские имябожники никаких дебоширств не производили, а уклонились от православного течения только в своих верованиях; а отчасти и потому, что считал еще не все меры увещания имябожников использованными.

Накануне опубликования этого своего «Послания», Российский Святейший Синод командировал особую Комиссию во главе с архиепископом Никоном для увещания русских имябожников, во-первых; и во-вторых, на основании уже состоявшегося к тому времени соглашения Русского Синода с Константинопольским Патриархом, для увещания, а в случае нужды и для удаления со Старого Афона живущих там русских по происхождению имябожников, подчиненных власти Константинопольского Патриарха. Часть афонских имябожников этим увещанием были приведены к раскаянию, оставшиеся упорными были выселены в Россию. Имябожники, выселенные в Россию, здесь подпали под действие церковных древних канонов о пришельцах из другой Церкви. Каноны не позволяют принимать за лиц, имеющих священный сан, или церковно-служительский или иноческий чин, тех пришельцев, которые не предъявляют соответствующих документов от своей церковной власти: под угрозой отлучения самих принявших таким образом (Апостольские правила 12 и 33; Четвертого Вселенского Собора правило 13). Притом и имеющих подобные документы пришельцев каноны позволяют принимать в общение только в том случае, если они – проповедники (и исповедники) благочестия: «Не принимать никого из чужих епископов или пресвитеров или диаконов без представительных грамоты; и когда оная предъявлена будет, да рассудят о них: и аще будут проповедники благочестия, да приемлются; аще ли ни, подайте им, что нужно, а в общение не примите их» (Апостольское правило 33).

Так как все выселенные были уклонившиеся в ересь, то они все не были

приняты в церковное общение. Кроме того, так как от Константинопольской Церкви, при поспешности выселения не было взято никаких документов, удостоверяющих монашеский или священный сан тех из выселенных, кто его действительно там получил, то, за исключением 8-ми, все выселенные Афонские имябожники не были приняты в качестве монахов, но были облечены в мирскую одежду и отправлены на родину, по месту приписки, как миряне²¹. Восемь же человек, признанные в священном или иноческом сани по разным документальным основаниям, были отправлены на подворье Андреевского скита. Из непризнанных в сани пришельцев 40 человек, обвиняемых и подозреваемых судебной властью в уголовных преступлениях, были арестованы. Позже определением от 27 августа 1913 года за № 7644, Святейший Синод постановил, между прочим: 1) усвоить последователям нового лжеучения наименование имябожников, как наиболее соответствующее содержанию их учения; 2) отправить «послание» от имени Святейшего Синода Его Всесвятейшеству, Вселенскому Патриарху Герману V с просьбой произвести канонический суд над упорствующими (выселенцами с Афона), а раскаявшихся разрешить Российскому Святейшему Синоду принимать в церковное общение и сообщить решение Константинопольского Синода относительно этого дела; 3) по получении ответа от Патриарха иметь суждение о дальнейших мерах, касающихся упорствующих имябожников... 6) предоставить епархиальному епископу лично или чрез иереев «разрешать от греха ереси и противления Церкви» каждого искренно раскаявающегося имябожника, допустить его к Святому Причащению и разрешить поступать в тот монастырь, куда примут, предписав настоятелю и духовнику сего монастыря подвергнуть его строгому надзору»; 7) зачисление в братию или признание его в монашеском звании отложить на предписанный законом срок, в продолжении коего он должен находиться в числе испытываемых».

В этом определении есть новое, по сравнению с «посланием Святейшего Синода от 18 мая 1913 года». Именно, все имябожники, впредь до искреннего раскаяния, не признаются в монашеском чине, хотя бы раньше и имели его, и не допускаются ни к причащению, ни к общению церковному. Затем посланием от 11 октября 1913 года Святейший Синод просил Патриарха Германа о скорейшем каноническом суде над 25-ю упорнейшими главарями и распространителями имябожнической ереси. Патриарх Герман ответным посланием Русскому Синоду от 11 декабря 1913 года, вместе с своим Синодом присоединяясь к мерам, уже принятым Русской Церковной Властью чрез синодальное определение от 27 августа 1913 года за № 7644, дальнейший суд над упорными имябожниками, как находящимися уже в пределах одной Русской Церкви, предоставляет вполне Русской Церковной Власти: «Со вниманием рассмотрев и рассудив соборно это дело, при содействии состоящих при нас священнейших и пречестных митрополитов и дорогих возлюбленных во Святом Духе братьев и сослужащих, решили и постановили дальнейшую судьбу оказавшихся в России монахов-имябожников, какой бы степени и чина они ни были, возложить на непосредственное попечение и решение церковной власти в России, чтобы она, как законная правящая власть, довела это дело до конца совсем и от нашей великой Христовой Церкви предоставленным полномочием, и применила к ним то, что подобает на основании священных канонов: вождей и зачинщиков ереси божественно-начально призывая к оправданию и налагая на них подобающие канонические кары; и относительно многочисленных других, по неведению или по другой

причине последователей их, имея в виду то, что следует для возвращения и обращения их, совершенно не боясь принять их в церковное общение и позволить принятие Пречистых Таинств, если бы эти лица явно покались, а имеющим постриг или священную степень, после достаточного испытания, позволить носить монашескую одежду и священнодействовать, равно как и наоборот: и осудить, и отнять монашескую или священнослужительскую одежду у тех лиц, которые, быть может, намереваются упорно, нераскаянно оставаться при своем ложном взгляде и распространять ересь в народе, – с полной, как сказано собственной властью, по подобающей канонической справедливости».

После этого Русский Синод, «найдя, что необходимые меры предостережения бывших русских монахов на Афоне от увлечения лжеучением имябожничества своевременно были приняты, призыв к оставлению заблуждения от имени Церкви был сделан им», признал, что «должен быть произведен над упорными и сознательными приверженцами и распространителями лжеучения церковный суд» (см. об этом в определении Святейшего Синода от 10 марта 1916 года № 2670), каковой и поручил совершить Московской синодальной конторе синодальным определением от 14–18 февраля 1914 года за № 1471, причем Конторе поручено было позаботиться предварительно суда об увещании имябожников.

Между тем, глава и душа имябожников, о. Антоний Булатович, по прибытии в Россию скоро так укрепил свои прежние связи с правительственными и «высшими сферами» Российского государства, что превратился из человека, терпимого по милости и снисхождению, в человека, вместе со своими единомышленниками делающего последовательные сильные нападения на Русский Синод при помощи светской власти. И с начала 1914 года приходится, рассматривая отношения Русской Высшей Церковной Власти к имябожникам, выяснять себе главным образом вопрос: насколько устояла Высшая Церковная Власть против этих нападений.

<Антоний> Булатович и его единомышленники добивались от Высшей Церковной Власти двух вещей: 1) признания имябожного их учения православным, святоотеческим или, если не святоотеческим, то, во всяком случае, частным мнением, не противоречащим православной вере, вместо прежнего синодального суждения об имябожничестве как о ереси; 2) снятия осуждения и канонических запрещений и отлучения с самих наказанных Церковью имябожников. Выше, в разделе II, я уже докладывал о том, что по первому пункту имябожники, давлением чрез светскую власть на Московскую синодальную контору, после целого ряда ее отзывов об имябожничестве как о лжеучении и ереси, добились от нее того, что в одно и то же заседание свое 7 мая 1914 года Контора сделала два взаимно противоречивых, один другой исключających отзыва об имябожничестве: и как о ереси-лжеучении, и как об учении, не дающем достаточно основания держащимся его для отделения от Православной Церкви.

Высказывая последнее суждение свое во втором своем донесении Синоду о содержании заседания, бывшего 7 мая (донесение от 8 мая 1914 года за № 1443), Контора при этом по второму пункту стремлений <Антония> Булатовича высказала проект постановления о полном освобождении нераскаявшихся имябожников от церковного суда и канонического наказания с отдачей их на архипастырское душепопечение преосвященного Модеста, епископа Верейского. Но от Синода <Антонию> Булатовичу и поддерживавшим Булатовича светским властям не удалось добиться утверждения такого благоволительного к имябож-

ному учению суждения Синодальной канторы и утверждения ее постановления о помиловании имябожников. Синод по первому пункту вожделений <Антония> Булатовича ответил на постановление Канторы двукратным подтверждением своего прежде высказанного осуждения имябожной ереси (определение Священного Синода от 10–24 мая 1914 года за № 4136 и определение Синода от 10 марта 1916 года за № 2670). По второму пункту имябожники имели некоторый успех, но второстепенный: они добились того, что давимый светской властью Святейший Синод определением от 10–24 мая 1914 года за № 4136 отсрочил окончательный суд над имябожниками и разрешил бывшим монахам и священнослужителям имябожников рясоношение (рясофор) впредь до этого окончательного суда, и допустил в храмы без права участия в Таинствах и, следовательно, совершения богослужения (см. то же определение в подписях, также еще отношение обер-прокурора Саблера митрополиту Московскому Макарию от 24 мая 1914 года за № 8626²²; письмо преосвященного Модеста Верейского на имя обер-прокурора Саблера от 3 июня 1914 года²³; заявление, поданное имябожниками: Силою Ершовым и другими от 1 июня 1914 года²⁴).

Преосвященный Модест Верейский от 14 мая 1914 года известил верного друга имябожников А. Л. Гарязина (издателя Петербургской газеты «Дым») о результатах суда Московской синодальной канторы над имябожниками следующим письмом (текст которого привожу по составленному и напечатанному <Антонием> Булатовичем в 1914 году сборнику, под заглавием: «Имяславие», с. 173–174: «14 мая 1914 года. Благодарение Господу Богу, все иноки-имяславцы оказались истинными чадами Церкви. Отец Антоний и виденные мною иноки Афонские назначены в число братии Знаменского монастыря. Употреблю все усилия, чтобы они остались пребыванием своим довольны. Будут жить, смотря по их склонностям, или в Знаменском монастыре в Москве, или вне Москвы на монастырской даче. Разность мнений не должна мешать единению и любви. Так было прежде (школы Антиохийская, Александрийская и др.), когда допускалось существование в Церкви мнений, которые потом Собором или объявлялись догматом или отвергались».

В это время <Антоний> Булатович и другие главы имябожников были в Петербурге (Петрограде). И в ответ на такое извещение подали за 13-ю подписями своими «заявление» от 18 мая митрополиту Макарию, первоприсутствующему члену Московской синодальной канторы (текст заявления см. в сборнике «Имяславие», с. 174), в котором благодарят митрополита за оправдание их и берут назад свое заявление от 11 апреля, поданное в Святейший Синод, об отложении от него. Но в «Петербургском Листке» от 28 мая 1914 года, № 143, появилось сообщение, что Святейший Синод отверг приговор Московской синодальной канторы и «на неопределенное время постановил отрешить имябожников... от принятия Святых Таин» (см. вырезку с той заметкой из «Петербургского Листка» в Архиве об имябожниках, т. III, ч. II, лист 499²⁵). Встревоженные и разочарованные имябожники: «Сила (Ершов) с прочими иноками» обратились к преосвященному Модесту с письменным заявлением от 1 июня 1914 года, в котором выражают желание узнать действительное синодальное решение их участи (Архив, т. III, ч. II, листы 498–500). <Антоний> Булатович обратился непосредственно к «начальству» Синодальной канцелярии, т. е. обер-прокурору Саблеру, от которого не только узнал подлинный текст синодального определения от 10–24 мая 1914 года за № 4136, отменившего оправдательный приговор Московской синодальной канторы, но и испросил себе формальную выписку из

этого документа, содержащую урезанный текст этого определения с искажением смысла его в обратный, оправдательный для учения имябожников. Об этом я уже подробно докладывал в первом разделе этой третьей главы и теперь повторять не буду; но для полноты всей картины этого плутовства укажу, что одновременно с этим Синодальная канцелярия и ее «Начальство» Саблер предпочли совсем не печатать в «Церковных ведомостях» подлинного текста определения Святейшего Синода от 10–24 мая 1914 года за № 4136. Очевидно, чтобы не выдать подделки смысла этого определения, сделанной в «выписке», данной <Антонию> Булатовичу (копия подлинного текста этого определения и копия текста выписки, выданной Булатовичу, снятые из архива об имябожниках, т. III, ч. II, приложены при сей главе моих «замечаний и дополнений»). Это со стороны <Антония> Булатовича был уже второй случай подделки смысла официального документа, осуждающего имябожие и имябожников. В Архиве об имябожниках, т. III, ч. II, лист 532, находим «Акт», составленный всеми русскими монахами на Афоне (круглым счетом четырем с половиной тысячами монахов). В этом акте, в пункте 6, 11 заявляется, что в 1912 году <Антоний> Булатович скрыл подлинную грамоту Ватопедского Афонского монастыря, посланную в подчиненный этому монастырю русский Свято-Андреевский, Афонский скит, осуждавшую как имябожие, так и восстание имябожников против православного игумена Андреевского скита Иеронима. <Антоний> Булатович тогда прочитал какой-то другой поддельный текст этой грамоты, оправдательный для имябожников. Не зная еще наверняка, будет или не будет напечатан в «Церковных ведомостях» полный и подлинный текст синодального определения от 10–24 мая 1914 года, <Антоний> Булатович избегает печатать текст полученной им «выписки», чтобы преосвященные авторы синодального определения № 4136 не могли уличить подделку смысла этого определения в испрошенной Булатовичем выписке.

Но, конечно, не для себя же одного он брал такую выписку, но и показывал другим, и прежде всего, конечно, имябожникам, сбивая их с толку. Жертвою всей этой махинации, скрывшей истинный смысл синодального приговора над имябожием от имябожников, по-видимому, оказался и сам схимонах Иларион, продолжавший жить в горах Кавказа и позже других узнавший действительное положение вещей. В поданном Синоду Иларионом докладе от 1 июля 1915 года Иларион высказывает свое изумление: «Миссионер говорил, что будто бы я и сообщники мои, в деле учения о имени Божием, о имени Иисус, отлучены от Церкви. Между тем, мы читали в «Московских ведомостях» и в разных листиках, а так же и в книге «Имяславие» (изд. Исповедник, 1914 г.), что мы оправданы Московскою синодальною конторою. Смирнейшее прошу Святейший Синод, не будет ли ему благоугодным сообщить мне свое мнение о сем нашем деле» (Архив об имябожниках, т. III, ч. II, лист 671). По-видимому, отцу Илариону заявление о продолжающемся отлучении имябожников от Церкви было новостью. Но из архивных документов не видно, чтобы схимонаху Илариону было послано уведомление о действительном содержании приговора Святейшего Синода об имябожниках, изложенном в определении Синода от 10–24 мая 1914 года за № 4136. На прошении Илариона только одна пометка: «присоединить к делу». А между тем в заявлении этом содержится последнее исповедание веры схимонаха Илариона. Иларион, умерший вскоре (в 1916 г.) после этого, раньше своей смерти узнал ли в точности, как именно в конце концов Святейший Синод смотрит на его учение об Имени Божием: осуждает или допускает?

В августе и сентябре 1914 года <Антоний> Булатович с помощью Саблера и преосвященного Модеста добился закулисным путем того, что митрополит Макарий самовольно и незаконно снял с упорных имябожников на время войны наложенные Синодом всякие запрещения и отлучения под предлогом командировки их в действующую армию и на время этой командировки. Об этом я подробно уже докладывал во II главе своих «замечаний и дополнений». Отмечу еще раз, что при этом некоторые из упорных имябожников, получивши освобождение от наказания, даже не были посланы в действующую армию, благодаря ходатайству о такой льготе для них со стороны все того же епископа Модеста пред Саблером (архимандрит Давид, иеромонах Пахомий. См. донесение преосвященного Модеста обер-прокурору Саблеру от 5 сентября 1914 года за № 685. Архив об имябожниках, т. III, ч. II, лист 610).

Как я уже отметил во II главе своих «замечаний и дополнений», такой поступок митрополита Макария был самовольным и незаконным превышением власти потому, что Синод своим судом положивши имябожникам наказание, позволил епархиальным архиереям смягчать и снимать это наказание только в том случае, если имябожник раскается и отступит от своих лжеучений, но не в тех случаях, когда имябожники продолжают упорствовать в своем заблуждении. Как поступок незаконный, решение митрополита Макария тоже не было опубликовано Синодальной канцелярией в «Церковных ведомостях». Но этот поступок митрополита Макария остался не только безнаказанным от Синода, но даже и не пресеченным: находясь под давлением обер-прокуроров, Святейший Синод, к тому же не имевший под руками никакого формального специального доклада о самочинии митрополита Макария, предпочел полтора года совсем никак не откликаться в формальном порядке на это самочиние.

Тем временем, хотя война все еще продолжалась, разрешенные от наказаний и отправленные в действующую армию упорные имябожники начали довольно дружно возвращаться из армии обратно (см. представление Святейшему Синоду митрополита Макария от 20 июня 1915 года за № 226. Архив об имябожниках, т. III, ч. II, лист 671, в). Возник во всей остроте вопрос, как с ними быть: оставить ли и далее данное им разрешение от наказаний, или же в виду того, что митрополит Макарий дал им разрешение от наказаний только на время службы каждого из них в действующей армии, снова подвести возвращающихся из армии упорных имябожников под прежние положенные на них Синодом наказания. В заботах о собственном благополучии, упорные имябожники: архимандрит Давид, иеросхимонах Николай (Иванов), иеромонах Викентий (Филатов), иеромонах Сила (Ершов), схимонахи: Исаакий (Грязев), Иларион (Федюков), Филадельфий (Орлов) и монахи: Манассия (Зенин) и Ириней «уполномоченные от всех прочих Афонских монахов, выбывших из старого Афона», подали Государю к началу марта 1916 года прошение, в котором пишут: «Покорнейше просим Ваше Императорское Величество об официальном опубликовании в «Церковных ведомостях» данного уже почти два года тому назад Синодального распоряжения, дабы не было препятствий совершать священнослужение тем из нас, приехавшим с Афона монахам, кто имеет священный сан, и всем нам, монахам, приобщаться Святых Христовых Таин. Вследствие отсутствия официального напечатания вышеупомянутого распоряжения, мы, изгнанные с Афона монахи, имеем возможность совершать священнослужение

и приобщаться Святых Таин не во всех епархиях святой Православной Русской Церкви, но лишь в Московской и Киевской, а также в армии и в лазаретах для больных и раненых воинов»... «покорнейше просим Ваше Императорское Величество не отказать сделать распоряжение об официальном извещении епархиальных преосвященных о нашем праве – совершать священнослужение тем из нас, кто имеет священный сан, и всем нам, монахам, приобщаться Святых Христовых Таин и быть погребаемым по обряду монашескому Православной Церкви, но никак не по мирскому обряду» (Архив, т. III, ч. II, лист 695). В этом прошении сказана неправда: Синод никогда не давал разрешения на священнослужение и причащение Святых Таин упорным имябожникам, никогда не возвращал им и монашества, разрешивши им в определении от 10–24 мая 1914 года № 4136, только рясофор (рясоношение) и присутствие при православном богослужении. А митрополит Макарий, хотя и дал самовольно подобные разрешения упорным имябожникам, но лишь на время пребывания их в действующей армии (см. письма Саблера митрополиту Макарию и Преосвященному Модесту №№ 1432, 1438). И тот, кто лучше всего сознавал эту неправду, о. Антоний (Булатович), в других случаях и составлявший, и подписывавший всякие ходатайства имябожников, на этот раз не подписался лично, а только лишь дал полномочие другим имябожникам приносить в этом прошении просьбы Государю и от его имени. Государь Император, конечно, не без предварительной беседы с обер-прокурором Синода А. Волжиным (ибо о таких вещах покойный Государь Николай Александрович обыкновенно не постановлял своего решения прежде, чем не побеседует с обер-прокурором Синода), начертал на этом прошении упорных имябожников 4 марта 1916 года собственноручную резолюцию: «следует удовлетворить», а 5 марта вручил это прошение имябожников с своей резолюцией обер-прокурору А. Волжину (см. Архив имябожников, т. III, ч. II, лист 695). 10 марта 1916 года упомянутое прошение обер-прокурором было уже сдано в его Канцелярию с отметкой: «Святейшему Синоду было мною доложено, и состоялось определение» (см. отношение Канцелярии обер-прокурора в Синодальную канцелярию от 3-го апреля 1916 г. за № 2928. Архив об имябожниках, т. III, ч. II, листы 693–694). Определение это Синодом было составлено от 10 марта 1916 года за № 2670, и в полной копии составляет содержание первого моего доклада.

Находясь под сильным давлением обер-прокурора и Государя, Святейший Синод все-таки в этом определении отказался утвердить или (иначе сказать) узаконить незаконное деяние митрополита Макария, а тем более официально распространять об этом деянии как о законном и своем – синодском. Но не нашел возможным Синод, при таком на него давлении, и высказать прямое осуждение самочинию митрополита Макария, или хотя бы непризнание этого поступка закономерным. Все, что смог сделать в этом своем определении от 10 марта Святейший Синод, – это отнестись к данному имябожникам от митрополита Макария разрешению и освобождению от всех церковных наказаний как к несуществовавшему, не замечать его, и вновь повторить всем епархиальным архиереям свое прежнее постановление: смягчать и снимать наказание с имябожников только в том случае, если имябожники отказываются от своего лжеучения и приносят Церкви раскаяние в своих винах.

Это определение, не внося ничего нового по сравнению с посланием

Святейшего Синода от 18 марта 1913 года и синодальным определением от 10–24 мая 1914 года № 4136, не есть новое судебное постановление, а только лишь подтверждение прежнего. Таким образом, и на этот раз Синод не приступил ни к окончательному суду над имябожниками, ни к подготовке такового суда; по-прежнему этот суд остался отложенным на неопределенное время, что, конечно, и само по себе благоприятствует распространению имябожного движения. Между тем, сановные покровители имябожников не захотели отнестись равнодушно и к такому постановлению Синода; и обер-прокурор Синода А. Волжин, прочитавши это определение Синода от 10 марта 1916 года № 2670, не пропустил его к исполнению, но «приказал отложить» (как свидетельствует пометка карандашом на первой странице этого определения, сделанная рукой секретаря Екшурского). После этого синодальное определение от 10 марта 1916 года за № 2670 за пределы Синодальной канцелярии не вышло, опубликовано не было, и хорошо еще, что его не уничтожили светские власти, но подшили в очередном порядке к синодальному архиву дел об имябожниках; так что оно хотя для самого Синода уцелело и потому сохранило свое каноническое значение, хотя и не распространило доселе его за пределы самого Синода и его Преемника по власти, ибо доселе не опубликовано.

Итак, церковно-юридическое (иначе говоря, каноническое) положение имябожников в настоящее время таково:

1) Их своеобразное учение об именах Божиих признано еретическим и осуждено как Константинопольскими Патриархами с Патриаршим Синодом (см. грамоты на Афон Патриарха Иоакима III от 12 сентября 1912 г. за № 8522, и Патриарха Германа V от 15 февраля 1913 года, за № 758), так и Русским Святейшим Синодом (см. Послание Святейшего Синода от 18 марта 1913 года, определение Святейшего Синода от 27 августа 1913 года за № 7644, определение Святейшего Синода от 10–24 мая 1914 года за № 4136 и определение Святейшего Синода от 10 марта 1916 года за № 2670).

2) Все имябожники в России, включая (согласно Патриаршему посланию Русскому Синоду от 11 декабря 1913 года) и прибывших с Афонской горы в Россию, подлежат канонической юрисдикции Русской Церковной Власти.

3) Российская Высшая Церковная Власть окончательного суда над упорными имябожниками доселе не совершила, считаясь с систематическим сильным давлением в пользу упорных имябожников, производившимся с 15 апреля 1914 года на Святейший Синод со стороны покойного Государя Императора Николая Александровича, и систематически связываемая в своих действиях <...>²⁶ в тех случаях, когда Святейший Синод действовал без потачки и угодничества имябожникам.

4) В настоящее время, согласно предварительному судебному определению Святейшего Синода от 10–24 мая 1914 года за № 4136 (по подлинному тексту этого определения, находящемуся в синодальном Архиве дел об имябожниках, (т. III, ч. II, листы 444–449), а не по искаженным выпискам из него), подтвержденному определением от 10 марта 1916 года за № 2670, все находящиеся в России упорствующие имябожники находятся под малым церковным отлучением, именно: отлучены не только от совершения Церковных Таинств, но и от участия в них, но имеют право присутствования при церковном богослужении и духовные лица из них имеют право рясоношения. Причем, епархиальным архиереям предоставлено полномо-

чие смягчать и снимать это наказание только с тех из имябожников, которые раскаются в своем заблуждении и будут просить Церковь о прощении.

5) Определение Святейшего Синода от 10–24 мая 1914 года, оставшееся неопубликованным в официальных органах церковной печати, введено было в действие только указом Святейшего Синода Московской синодальной конторе за № 8625, и исполнялось только до 5–17 сентября того же 1914 года, когда митрополит Макарий, Первоприсутствующий член этой Конторы самовольно, в незаконном порядке, снял все церковные наказания с упорных имябожников «на все время военных действий»²⁷, согласно предложению обер-прокурора Саблера (от 1 сентября 1914 г. за № 1432. Архив, т. III, ч. II, лист 595). Так как состояние войны для России еще не прекратилось, то и теперь церковно-правовое положение имябожников остается ненормальным, и епархиальные власти не знают толком, что с ними делать и как на них смотреть: признавать ли их находящимися под запрещениями и отлучением, или же считать все церковные наказания снятыми с них в законном каноническом порядке. Склоняться к последнему, хотя и неправильному взгляду, побуждает епархиальные власти еще и то обстоятельство, что о. Антоний (Булатович) печатно, в своем сборнике «Имяславие», изданном в конце 1914 года, в статье «Окончание Афонского дела», несогласно с действительностью, изображает, что судебное дело об имябожии и имябожниках в Русской Церкви окончилось оправданием их учения и снятием наказаний с них со стороны Московской синодальной конторы, а не Синодальным отвержением сего оправдания, с подтверждением осуждения и наказаний – и эту книжку продолжает доселе распространять среди населения; что, кроме этого, <Антоний> Булатович в изданной им в 1917 году книге: «Оправдание веры в непобедимое, непостижимое Божественное Имя Господа нашего Иисуса Христа (изд. Исповедник) в «Приложении», на странице 211 утверждает вопреки действительности, что Синод утвердил (а не отверг) указом от 10–24 мая 1914 года за № 4136 оправдательное постановление Московской синодальной конторы об имябожии и имябожниках. И это же «приложение», сброшюрованное отдельно, тоже распространяет всюду, вводя в заблуждение православных – от мирян до иерархов включительно. Даже здесь, на Всероссийском Церковном Соборе, после того, как я, по положению своему секретаря в Подотделе об Афонском движении, связанном с почитанием имени Божия, в личной беседе с <Антонием> Булатовичем 12/25 июля сего 1918 года в Покровском монастыре предложил его вниманию копию с упомянутого определения Синода, и Булатович признал без спора, что синодальное определение отвергло постановление Конторы и подтвердило прежнее осуждение имябожии и имябожников, даже и после этого, в августе месяце сего 1918 года Антоний (Булатович) не постеснялся раздавать членам Всероссийского Собора эту свою брошюрку с заявлением о том, что Синод оправдал их определением от 10–24 мая 1914 года, а не осудил.

На основании всего изложенного мною в четырех докладах об отношении Русской Церковной Власти к имябожии и имябожникам, почитаю крайне необходимым, в целях выяснения истины для епархиальных властей и всех православных христиан, и для того, чтобы епархиальные власти получили, наконец, определенные руководящие и законные указания от Высшей Церковной Власти о том, как надлежит им относиться к имябожии и имябожникам:

1) Сообщить епархиальным преосвященным и опубликовать для общего

сведения подлинный текст определения Святейшего Синода от 10–24 мая 1914 года за № 4136, находящийся в т. III, ч. II, листы 444–449 Архива об имябожниках, с пояснительным указанием, что никакой церковной власти, подчиненной Святейшему Синоду, не было дано полномочий изменять это определение, и что Московский епархиальный архиерей в сентябре 1914 года превысил свою власть, освободивши, по предложению бывшего обер-прокурора Священного Синода В. К. Саблера (Десятковского), всех имябожников от наложенных на них церковных наказаний на все время войны.

2) Опубликовать канонически действительное, но вследствие насилия над Святейшим Синодом бывшего обер-прокурора Святейшего Синода А. Волжина, доселе неопубликованное синодальное определение от 10 марта 1916 года за № 2670.

3) Оъявить епархиальным преосвященным и опубликовать для всеобщего сведения, что (как видно из упомянутых определений Синода) окончательный суд над упорными имябожниками Высшая Российская Церковная Власть еще не произвела, а посему до окончательного суда остаются в силе все касающиеся их постановления, содержащиеся в синодальных определениях от 10–24 мая 1914 года № 4136 и от 10 марта 1916 года № 2670, коими епархиальные власти и должны неуклонно руководствоваться.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ДОКЛАДАМ:

Синодальный архив дел об Афонских монахах-имябожниках оканчивается Синодальным постановлением о передаче дела об имябожниках на рассмотрение и Суд Всероссийского Церковного Собора (определение Святейшего Синода от 21/28 июля 1917 года за № 4746). К сожалению, Собор и в третью свою сессию не рассмотрел его, за многочисленностью своих занятий: афонская смута не умерла, но продолжается и ныне (имеется в виду время прохождения Поместного Собора РПЦ – 1917–1918 гг. – *Ред.*).

*Секретарь Подотдела об Афонском движении,
связанном с почитанием Имени Божия,
Василий Зеленцов*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выписано буквально из документа за № 2670 от 10 марта 1916 года, прилагаемой копии стр. 7–8.

² Между тем м<итрополит> Флавиан разместил имябожников у себя по монастырям, не разрешив им причащения (смотри. отношении канцелярии митрополита Киевского в осведомит<ельном> бюро от 28 марта 1914 г. за № 1562. Синод. архив об имябожниках т. III, ч. I, листы 308–309).

³ Эфесис издан Ираклием в 639 году (Робертсон «История Христианской Церкви», перевод Лопухина. Изд. Тузова 1916 г., т. I, с. 567).

⁴ Четвертый Вселенский Собор. Правило 30: «Поелику почтеннейшие епископы египетские отложили, в настоящее время, подписаться под посланием святейшего архиепископа Льва, не из противления кафолической вере, но говоря, что в египетском округе есть обычай – не делать ничего такого без соизволения и определения своего архиепископа, и просят отсрочить им до рукоположения будущего архиепископа великого города

Александрии, то мы признали справедливым и человеколюбивым (делом) оставить их в своем сани в царствующем городе и дать им срочное время, пока не будет рукоположен архиепископ Александрийский. Посему пребывав в своем сани или да представят поручителей, если это возможно, или заверят клятвою.

⁵ Апостол Павел восклицает: «Один Господь, одна вера» (Еф. 4, 5) и Галатам, по поводу лжеучения, касавшегося лишь обрядово-нравственных обязанностей человека пред Богом, пишет: «Удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатью Христоваго так скоро переходите к иному благовествованию, которое, впрочем, не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово. Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема. Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема» (Гал. 1, 6–9). Галатийские лжеучители заблуждались только в том, что обряд обрезания считали необходимым для спасения христиан от грехов (Гал. 5, 2), имябожники же проповедуют гораздо более важное заблуждение, касающееся и Божьего имени и Божьих свойств и действий. Поэтому только с грустью можно отнестись к этой попытке Синода прикрыть для приличия свою угодливость Императору навязыванием Апостолу Павлу терпимости и уступчивости в подобных вопросах веры. И строгость Апостола Павла, с какою он требовал от всех подчинения церковной иерархии, настолько общеизвестна, что о ней много распространяться не нужно. Достаточно вспомнить, как Апостол радуется, что коринфяне приняли Тита в послушании со страхом и трепетом (2 Кор. 7, 15–16), и говорит коринфянам: «Ибо я для того и писал вам, чтобы узнать на опыте, во всем ли вы послушны» (2 Кор. 2, 9), «и готовы наказывать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится» (2 Кор. 10, 6). «Чего вы хотите? с жезлом придти к вам, или с любовью и духом кротости?» (1 Кор. 4, 21). Также, когда оставил Тита епископствовать в Крите, Апостол Павел писал Титу: «говори, увещавай и обличай со всякою властью, чтобы никто не пренебрегал тобою тебя» (Тит. 2, 15).

⁶ Архив об имябожниках, т. III, ч. I, лист 371.

⁷ Архив тот же, лист 374.

⁸ Лист 384.

⁹ Сверху рукой В.И.Зеленцова вписано: «час тому назад». *Прим. изд.*

¹⁰ Антоний (Булатович), в своей докладной записке, поданной обер-прокурору Раеву от 7 октября 1916 г., с неумолимой логикой указывает буквальный смысл этого царегодного суждения Московской синодальной конторы об учении имябожников. Он пишет: «Суд... вынес следующий приговор, что у обвиняемых нет оснований отступать от Церкви». «Если Суд нашел, что нет основания для разделения между церковной властью и подсудимыми, то этим самым он ясно выразил, что нет также существенной разницы верования между церковной властью и бывшими обвиняемыми в «измышлении нового лжеучения». В связи с этим тем более имеем право заключить, что церковная власть не потребовала от обвиняемых какого-либо исправления их мнимых заблуждений, но сама пошла навстречу уже отложившимся от нее и не явившимся на Суд обвиняемым». (Докладная Записка, с. 24, 28. См. в конце второй половины III т. Архива при листе 715). По-видимому, Контора сама плохо соображала, как сильно она здесь выразилась в пользу имябожников в этих своих словах, не искренних, а только дипломатичных фразах.

¹¹ Добавление это пояснительного характера и имеет чисто редакционное значение.

¹² В рукописи: «поупотребил». *Прим. изд.*

¹³ Заявление несправедливое. Преосвященный Модест этого не мог не узнать, как специально занятый этим делом; и мог сказать 27 августа 1914 года, что Антоний (Булатович) «далек от мысли вести какую-либо пропаганду среди массы», только решившись сказать не то, что ему было известно.

¹⁴ С заявлением преосвященного Модеста в этом ходатайстве: «со своей стороны я не видел бы препятствия к осуществлению этого желания отца Антония получить избавление от церковного суда и право священнослужения», интересно сопоставить отзыв

владыки же Модеста о невозможности для Синода исполнить это желание Антония (Булатовича), высказанный тогда же в беседе с сотрудником газеты «Утро России». Осведомительное бюро представило в Синодальную канцелярию к 31 августа того же 1914 года вырезку из газеты «Утро России», издающую эту беседу. Приводим текст вырезки целиком.

Антоний Булатович

В газетах мелькнуло сообщение, что известный афонский иеросхимонах Антоний (Булатович) выехал из Сум в Москву просить митрополита разрешить ему поехать в действующую армию в качестве священника походной церкви. По этому поводу епископ Верейский Модест, настоятель Покровского миссионерского монастыря, сообщил нашему сотруднику следующее: Антоний (Булатович) приехал из провинции уже давно и жил все время у меня в монастыре. На днях он выехал в Петроград испросить у Синода разрешение отправиться в действующую армию. Но вряд ли он получит это разрешение. Мне кажется, что от него потребуют отречения от своих заблуждений, от написанных им книг... А он, по-видимому, на это не согласен. При таком положении Синод не разрешит ему богослужения, а следовательно, и поездки на театр военных действий» (Архив, т. II, ч. II, лист 594). Комментарии излишни. На полях этого письма кто-то (но не Саблер) сделал пометку карандашом: «Как? без отречения? ужели возможно?»

¹⁵ Как заявили сами имябожники в прошении Государю, сданном обер-прокурору 4 марта 1916 года, митрополит Владимир в своей Петроградской епархии не разрешал имябожникам священнослужение и причащение и после этого «разговора» с Саблером.

¹⁶ По поводу торопливого донесения епископа Модеста Саблеру 5 сентября 1914 года за № 685, необходимо сказать, что из перечисленных в донесении афонитов часть была освобождена от синодального суда и наказания на самом-то деле не по письму Саблера, а вследствие своего раскаяния, т. е. самым законным образом. Но спешивший угодить обер-прокурору епископ Модест в своем донесении смешал второпях имена раскаявшихся и нераскаявшихся в одну кучу. Раскаялись следующие афониты: неромонах Филарет (Архив, т. III, ч. II, лист 612 а; донесение Московской синодальной конторы от 11 сентября за № 2662), Сила, Викентий (листы 607–608; определение Синода от 10 сентября № 3133), Варахия (лист 591, определения Синода от 21 августа – 3 сентября 1914 г. за № 7626), Макарий упомянут дважды.

¹⁷ Причем, таковые расходы обязательны для Церкви, и медлить в делании таковых расходов Церковные Власти не имеют права (Апостольские Правила 41, 38; Антиохийского Собора правило 25). Так что, если у Церкви, например, скопилось много земель, а многие из народа бедствуют, не имея достаточно земли для безбедного существования, и церковная власть не наделяет их избытком церковной земли; или если у Церкви скопилось много денег, а церковная власть скупно помогает голодным и раздетым, то это есть незаконное, обличенное словами апостола Иакова: «Если брат или сестра наги или не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет: идите с миром, грейтесь и питайтесь, но не даст им потребного для тела: что пользы» (Иак. 2, 15–16). Законом Христовым на Церковь возложена неуклонная обязанность делиться с нуждающимися от своих избытков; и церковные власти виновны пред Христом, если гражданское правительство вынуждено бывает их скупостью сказать тому или иному поколению членов Церкви: вы не исполняете закона вашего Христа – будучи богаты, оставляете бедных, этих сирых братьев Христа, голодать и жаждать; поэтому я отбираю у вас излишки церковного достоинства и передаю бедным.

¹⁸ Согласно словам Апостола: благодатью вы спасены (Еф. 2); благодатью Божиею емь то, что емь (1 Кор. 15, 10).

¹⁹ 12 июня.

²⁰ Позже, в грамоте Русскому Синоду от 11 декабря 1913 года, Патриарх сообщил свое и синодальное решение о недопустимости возвращения на Афон даже и раскаявшихся имябожников.

²¹ Впоследствии Святейший Синод запросил документы об их духовном чине от Константинопольской Церкви и стал относиться к ним сообразно с полученными документами.

²² Архив об имябожниках, т. III, часть II, лист 475.

²³ Лист 486.

²⁴ Листы 498–500.

²⁵ Напомню, что определение Синода, отвергшее приговор Московской синодальной канцелярии об имябожниках, было от 10–24 мая 1914 года.

²⁶ Здесь следует явно испорченный пассаж: “государевыми обер-прокурора Синода”⁷ - Прим. изд.

²⁷ См. Донесения епископа Модеста обер-прокурору Саблеру от 5 сентября 1914 г. за № 685 и от 17 сентября за № 713; прошение имябожников на Высочайшее имя с резолюцией от 4 марта 1916 г. (Архив, т. III, ч. II, листы: 610, 613, 695).

Именной указатель лиц, участвовавших в споре о почитении имени Божиего*

Александр (Трапицын), епископ, 175

Александр, архимандрит, наместник Боголюбова монастыря Владимирской епархии 160

Александра Феодоровна, императрица, 167

Алексий (Дородницын), епископ, 175

Анастасий (Грибановский), епископ, 167

Антоний (Булатович), 157, 161, 162, 164, 170–179, 183, 186, 187, 189–192, 194–198, 200, 202, 203

Антоний (Храповицкий), архиепископ 160

Апраксин П. Н., граф, 160

Арсений (Жадановский), архимандрит Московского Чудова монастыря. С 1914 г. - епископ, 161, 167, 174

Арсений (Стадницкий), епископ, 166

Афиноген, схимонах, до изгнания прожил на Афоне 40 лет, 180

Белецкий С.П., 163, 164

Булгаков С.Н., 160, 162–164

Вапгос (Недашковский), монах Пантелеймонова монастыря, 170, 172–175

Варахия (Троянов-Казаков), схимонах Пантелеймонова монастыря, 170–175, 179, 203

Василий (Богоявленский), епископ, 175

Викентий (Филатов), изгнанный с Афона иеромонах, 177, 179–181, 197, 203

Владимир (Богоявленский), митрополит, 178, 203

Войк М., свящ. 166

Волжин А.Н., обер-прокурор Синода, 181, 1198, 199, 201

Воловей Ф. С., прот., 160

Гарязин А.Л., издатель газеты “Дым”, 195

Герман V, патриарх Константинопольский, 160, 161, 176, 189–192

Гиацинт (Еременко), изгнанный с Афона иеромонах Пантелеймонова монастыря, 170, 172–175, 179

Гирс М.Н., посол России в Константинополе, 160

Гурий (Егоров), архимандрит (впоследствии епископ), 160

Давид (Мухранов), изгнанный с Афона архимандрит Андреевского скита, 170, 172, 174, 175, 177–181, 191, 197

Дометий (Комяк), изгнанный с Афона монах Пантелеймонова монастыря, 170, 172–175

Досифей, схимонах, 172

Евфимий (Велиев), епископ, 174

Екшурский, секретарь канцелярии Синода, 182, 199

Зеленцов В.И. (впоследствии епископ Василий), 155, 160, 162, 163, 165, 202

Ианнуарий (Гробовой), изгнанный с Афона монах Пантелеймонова монастыря, 170, 172–174

Игнатий (Митюрин), изгнанный с Афона иеродиакон Пантелеймонова монастыря, 170, 172–174

Иероним, игумен Андреевского скита на Афоне, противник имеславцев, 196

Иларион (Федюков), изгнанный с Афона схимонах 180, 197

Иларион, схимонах, автор книги “На горах Кавказа”, 170, 196

Илиодор, изгнанный с Афона иеромонах, 179

Иннокентий, изгнанный с Афона монах Андреевского скита, 171

Иоаким III, патриарх Константинопольский, 199

* Именной указатель составлен А. Г. Кравецким. – Ред.

Ионафан, схимонах, до изгнания прожил на Афоне 60 лет, 180
Ириней, изгнанный с Афона монах 174, 175
Ириней (Белоконь), схимонах Пантелеймонова монастыря. К моменту изгнания с Афона прожил 18 лет в ските Фиваида, 170, 172-175
Ириней (Цуриков), изгнанный с Афона иеромонах, 181
Исаакий (Грязев), изгнанный с Афона схимонах, 181, 197
Карабинов И. А., профессор Петр. Духовной академии 160
Кунцевич Л. З., миссионер, 160
Макарий (Невский), митрополит, 168, 170, 176-180, 182, 195, 197, 198, 200
Макарий, изгнанный с Афона иеромонах, 197, 203
Манассия (Зенин), изгнанный с Афона монах Пантелеймонова монастыря, 170-175, 181, 197
Мансуров П. Б., 160, 162, 164
Мартиниан (Белоконь), схимонах Пантелеймонова монастыря. К моменту изгнания с Афона прожил 18 лет в скиту Фиваида, 166, 170, 172-175
Модест (Никитин), епископ, 167, 168, 171, 173-179, 182, 194, 195, 197, 198, 202, 203
Моисей, архимандрит, 160
Нарцисс, изгнанный с Афона монах, 171
Нафанаил (Соборов), епископ, 175
Николай II 165, 168, 180, 189, 198, 199
Николай (Иванев), изгнанный с Афона иеросхимонах Пантелеймонова монастыря, 166, 177, 179-181, 197
Никон (Рождественский), архиепископ, 161, 175, 189, 190, 192
Онуфрий, изгнанный с Афона иеромонах, 179
Павел (Ивановский), епископ, 160
Пахомий, изгнанный с Афона иеромонах, 179, 197
Петр (Петров), изгнанный с Афона монах Андреевского скита, 170, 172-175
Писарев Л. И., 160, 162
Попов И. В., профессор МДА 160, 162
Прилуцкий В. Д. священник, профессор КДА 160
Равс Н. П., обер-прокурор Синода 186, 187, 202
Распутин Г. Е., 163, 164
Рождественский Д. В., протоиерей, профессор МДА 160, 162
Саблер Владимир Карлович, обер-прокурор Синода, 163, 167, 168, 176-179, 195-198, 200, 201
Севастьян, изгнанный с Афона монах, 180
Сергий (Страгородский), архиепископ, 175
Сергий, изгнанный с Афона иеромонах, 179, 180
Сила (Ершов), изгнанный с Афона иеромонах, 170, 172-175, 179, 180, 195, 197, 203
Соколов И. И., профессор Петроградской ДА 160
Товия, архимандрит Троице-Сергиевой Лавры, 167
Трубецкой Г. Н., 160
Трубецкой Е. Н., 160
Федим, изгнанный с Афона иеромонах, 177, 179
Феодор (Поздеевский), епископ, 167, 174
Феодосий (Феодосиев), епископ, 180
Феофан (Быстров), епископ, 160, 162
Феофил (Кузнецов) изгнанный с Афона монах, 170, 172-175
Филадельфий (Орлов), изгнанный с Афона схимонах, 181
Филарет, изгнанный с Афона иеромонах, 174, 175, 179, 203
Флавиан (Городецкий), митрополит, 168
Флоренский П. А., 164